

ДМИТРИЙ ЗУРКОВ
ИГОРЬ ЧЕРЕПНЕВ

ИГРА
БЕЗ ПРАВИЛ

Боевая фантастика (АСТ)

Дмитрий Зурков

Игра без правил

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Зурков Д. А.

Игра без правил / Д. А. Зурков — «Издательство АСТ»,
2019 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-115309-0

Центральные державы... Антанта... Враги... Союзники... Никому из них не нужна сильная Россия. Все смотрят на неё, как на лакомство, сгорая от нетерпения, когда же можно будет урвать кусок и жевать, давясь слюной от жадности. А русский народ?... Какое дело просвещённым европейцам до этих грязных дикарей? Пусть мрут в окопах, пусть вгрызаются друг другу в глотки за идеалы Свободы, Равенства и Братства. Уже достаточно среди них вожаков, готовых повести эту толпу к Светлому Будущему, и их не волнует, что эта дорога будет вымощена костями несогласных. А если такой вожак для достижения Великой Цели не гнушается посягнуть на самое дорогое, что есть у каждого мужчины – его Единственную и ребёнка, пусть он ещё и не родился?... Ответ только один!.. И быстрая смерть от пули в голову считается неоправданной милостью...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-115309-0

© Зурков Д. А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	35
Глава 12	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дмитрий Зурков, Игорь Черепнев

Бешеный прапорщик. Игра без правил

Авторы выражают свою искреннюю благодарность участникам форумов «В Вихре Времен» и «Самиздат», чья помощь сделала книгу именно такой, какая она есть, и лично:

Светлане Полозковой, Элеоноре и Грете Черепневым, Ольге Лащенко, Анатолию Спесивцеву, Владимиру Геллеру, Игорю Мармонтову, Виктору Дурову, Виталию Сергееву, Александру Колесникову, Владимиру Черменскому, Андрею Метелёву, Валерию Дубницкому, Алексею Дягилеву, Виталию Томилову.

© Дмитрий Зурков, 2019

© Игорь Черепнев, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Жизнь действительно похожа на тельняшку. За темной полосой рано или поздно следует светлая. Достававшая весь день до самых печенок вагонная тряска стихает, гудок паровоза, лязг буферов, и долгожданная остановка на перроне становящегося уже привычным гомельского вокзала. Подхватываю дорожную сумку от подаренного «мебельного гарнитура», набитую подарками и необходимыми на мой взгляд в ближайшие дни вещами. В дорогу собиравшись, естественно, не как в рейд по вражеским тылам, но в меру разумного взял достаточное количество прибабасов на все случаи жизни. Теперь – в привокзальную гостиницу – забронировать номера для моих друзей. Завтра с утра в качестве «мотовзвода огнестрельного сочувствия» должны приехать Анатолий с Михалычем. Портье любезно согласился оставить два одноместных номера напротив друг друга рядом с лестницей для ожидаемых господ офицеров до утра, теперь хватаем извозчика – и к Даше!

Лихач, оправдывая свое название, быстренько несется по вечерним улицам. Притормаживаю его на перекрестке, рассчитываюсь за гонку и почти неторопливо иду к нужному дому, стараясь унять волнение и учатившийся пульс. Вот и знакомый забор, почти спрятавшийся в густой зелени, за которым слышны задорные мальчишеские голоса – наверное, Сашка с Матюшей о чем-то спорят. Толкаю калитку, делаю несколько шагов, и моему взору предстает финал чемпионата по скоростной колке дров. Оба участника пытаются превратить небольшие полешки в кучу щепы для растопки самовара, отвлекаясь только на подначивание друг друга. В роли судьи выступает Александр Михайлович, сидящий в беседке рядом с тем самым агрегатом, на который сейчас усиленно батрачит молодежь. Он-то первый и замечает дорогого гостя в моем лице:

– Денис Анатольевич?.. Добрый вечер, голубчик!.. Какими судьбами?.. Откуда?..

– Здравствуйте, Александр Михайлович! Заслужил в качестве поощрения отпуск к семье... Извините, что без приглашения, надеюсь, не стесню?..

Дальше продолжить разговор нам мешает молодое поколение. Сашка с восторгом подсакивает ко мне:

– Здравствуйте, Денис Анатольевич!

Матюша, стеснительно улыбаясь, с секундной задержкой дублирует ту же фразу.

– Здравствуйте, молодые люди!..

– Здоров будь, командир! – сзади раздается голос неслышно появившегося из ниоткуда Семёна.

– И тебе поздорову, земляк-сибиряк!

Закончив ритуал традиционными мужскими рукопожатиями, причем разрешая юношеству участвовать в этом наравне со взрослыми, рассаживаемся в беседке. Александр Михайлович сразу сообщает мне интересную новость:

– Даша с моей супругой ушли на прогулку, должны вернуться через полчаса...

И этим заставляет всё внутри похолодеть! А если с ними... Если этот урод сейчас... Нет, холодная логика подсказывает, что со стороны противника опрометчивых действий пока не последует. Слава богу – не то время, чтобы посреди бела дня на улице кого-то похищали... Или убивали. Но для некоторых, гадам буду, оно теперь скоро наступит!.. Вымучиваю на лице вежливую улыбку:

– Что ж, жаль... Тогда разрешите пока вручить всем присутствующим маленькие сувениры.

Александр Михайловичу достается один из трофейных несессеров, небольшая такая шкатулка, обтянутая кожей, с золингеновской бритвой и прочими приспособами для бритья, которую он принимает с понимающей улыбкой. Александр-младший и Матвей получают по

швейцарскому складному ножу, один из которых достался мне в качестве трофея, а другой Котяра якобы для себя выменял у кого-то из бойцов на кучу ненужных мне зажигалок. А теперь... Давно вынашивал эту идею, потом офицерское собрание батальона приняло решение воплотить в жизнь...

– Семён, а это – тебе. На память. – Вручаю сибиряку подарочный вариант «оборотня» – кожаные ножны, наборная ручка из бересты, на торце бронзового навершия – маленький серебряный крестик, повторяющий форму Георгиевского, на полированном лезвии – надписи. На одной стороне – «Семёнъ Игнатовъ», на другой – «1-й отдѣльный Нарочанскій батальонъ» и крестик оптического прицела на фоне пикельхельма. Семён поднимает на меня, как мне показалось, повлажневшие глаза, молчит несколько секунд, тербя ножны, затем хрипло произносит:

– Спаси тебя Бог, командир...

Сентиментальность прерывается нетерпением подрастающего поколения, которое, уже позабыв про свежеподаренные «Виктории», рвется посмотреть Семёнов клинок, клянча наперебой. Сибиряк останавливает их короткой фразой:

– А ну-ка, выюноши, выворачивай карманы! – Затем, покопавшись у себя, достает старый затертый рубль и протягивает мне, отвечая на мое непонимание. – Примета такая, командир, нельзя ножи дарить без отдарка. Судьба порезанная будет. Возьми вот...

Сашка стремглав несется в дом, а Матюша протягивает мне позеленевший от времени медный пятак, смущенно оправдываясь:

– Нету у меня монетки более, а бумажки, небось, не считаются...

Александр-младший снова появляется среди нас и, запыхавшись в суматохе, отдает мне блестящий серебряный двугривенный, сопровождая это единственным словом:

– Вот!!!

Следом за ним, желая выяснить причину и виновника переполоха, появляется пушистая королева Муня. Оглядев присутствующих своими загадочными глазищами и не найдя ничего сверхъестественного, кошка презрительно зеваает в нашу сторону, грациозно потягивается, сначала приседая на передние лапки, а потом делая спинку горбиком. После чего величаво подходит ближе, трется щекой о мой сапог, будто говоря, что признала и помнит брата по крови, и, не торопясь, уходит обратно в дом.

Глава 2

Самовар уже вовсю пыхтит, я рассказываю официальную версию последних событий на Западном фронте, ловя восторженные и уважительные взгляды мальчишек, направленные на Владимира в воротнике. Программу «Последние новости» прерывает стук калитки. И тут же следующий за ним звонкий лай Боя и радостный возглас:

– Боже!.. Денис!.. Ты приехал!..

Дашины руки уже на моей шее, подхватываю ее, и даже небольшой кругленький животик не мешает нам крепко-крепко обняться. Ну, и также крепко сделать еще кое-что... Но, благодаря деликатному покашливанию присутствующих, вспоминаем о правилах приличия и спускаемся с небес на землю.

– Полина Артемьевна, моё почтение! Простите за неожиданный визит!..

– Здравствуйте, Денис Анатольевич! – Тёща добродушно и немного укоризненно улыбается. – Наконец-то вспомнили про семью?.. Я понимаю, что вы – человек военный, но почта же регулярно работает...

– Да, дорогой мой, ты почему не написал мне ни одного письма за последнюю неделю? – Моя ненаглядная тут же шутливо развивает тему в «винительном» падеже. – Конверты кончились или карандаш сломался?

– Ну, не совсем. Просто некогда было. Навалилась куча дел – не вздохнуть, не продохнуть. Пришлось работать по двадцать пять часов в сутки...

– Денис Анатольевич, в сутках, между прочим, двадцать четыре часа! – Александр-младший делает вид, что покупается на старый прикол и вставляет свою реплику под улыбки присутствующих.

– Да, но я вставал на час раньше! – возмущенно довожу мини-спектакль до конца. – В результате начальство заметило моё служебное рвение и...

Демонстративно поправляю воротник, чтобы дать дамам заметить некоторые изменения во внешнем виде. Пережидаю последующие восхищенные ахи и охи и на град любопытных вопросов отвечаю недоумённым встречным:

– А что, в газетах разве не писали о прорыве фронта под Барановичами?..

– Ну, что ж, давайте уже попьем чаю. – Полина Артемьевна объявляет конец пикировке и приглашает всех к столу. По пути еще раз залезаю в дорожную сумку и достаю подношения дамам. Большую коробку с шоколадом от Жоржа Бормана – тёще, двухфунтовую жестянку с самой лучшей арабикой, которую можно было достать в Минске – для моей любимой...

Посреди застольной болтовни вдруг всплывает новость, заставляющая моментально напрячься и при этом постараться не подать виду, что происходит что-то нехорошее!

– ...вчера с визитом незнакомый чиновник. Служит в Петрограде по линии Красного Креста, – персонально для меня рассказывает Полина Артемьевна. – Он прибыл в Гомель со специальным поручением. Великая княжна Ольга Николаевна предлагает Даше помочь устроиться в одной из столичных клиник...

Черт побери! Петр Всеславович угадал на все сто!.. Или это – совпадение?.. Княжна типа по старой дружбе решила облагодетельствовать?.. Ну, тогда сначала или посоветовалась бы, или хотя бы поставила меня в известность... Не бывает таких совпадений!..

– ...даже написала письмо! Точнее, оно адресовано этому чиновнику, но там есть постскрипtum для Даши! Представляете, Денис Анатольевич, августейшие особы пишут нам!..

– Простите, Полина Артемьевна, а можно посмотреть на эту реликвию?

– Нет, письмо ведь адресовано Кириллу Иннокентьевичу, ну этому самому чиновнику! – Полина Артемьевна недоумённо смотрит на меня, не понимая моего любопытства.

– Скажите, а когда этот господин снова обещал зайти?

– Завтра. Сказал, что нам нужно время всё обдумать и принять решение. Был так вежлив и обходителен, чувствуется светское воспитание...

– Денис, я вижу ты, как и папа, недоволен этим предложением? – Даша вопросительно смотрит на меня. – Его я могу понять – он не хочет отправлять нас одних. А если ехать всем, придётся оставить службу. А ты почему?

– Дашенька, я – не против! – успокаиваю супругу. – Просто я приехал сюда с аналогичным предложением. Но от академика Павлова. Понятное дело, что столичные клиники – это, конечно, не земская больница, не военный госпиталь и не уровень медицины уездного города. Но ведь ты сама видела, что самое передовое оборудование и лучшие врачи – у него в институте. Тем более что в моём случае никому не придется особо жаловаться. – Достаяю конверт с письмом Ивана Петровича, адресованным тестю, и протягиваю ему. – Александр Михайлович, вам и Михаилу Семёновичу академик Павлов предлагает руководство строящимся заводом по производству... скажем так, различных механизмов, столь необходимых в наше время.

– Но... Это довольно неожиданное предложение. – Инженер достает письмо, пробегает по нему глазами, затем его брови удивлённо поднимаются. – Однако... Да, над этим стоит подумать, и не в одиночку. Поленька, если всё, что тут написано – правда, я думаю, что это решит все проблемы...

– Да что он такого наобещал, Саша? – Полина Артемовна теперь недоуменно смотрит на мужа. – Молочные реки и кисельные берега? Такое бывает лишь в сказках!

– Нет, сказок тут нет, но есть большой простор для деятельности. Уж не знаю, какими словами господин Павлов смог убедить джентльменов из Североамериканских Соединённых Штатов, но владельцы «Алис-Чалмерс Мотор Трак Компани» собираются открыть под Москвою, рядом с институтом дочернее отделение своей фирмы. Работа рядом с Первопрестольной, денежное содержание опять же... И, главное, – у них очень сильная инженерная школа и интересные мысли...

Насколько я в курсе, то, что инженеры у них сильные – это да. А вот насчёт мыслей... Зная нашего Павлова-Теслу, еще будем посмотреть, кто кого удивит.

* * *

Чаепитие «файв о'клок» за разговором плавно перетекает в легкий ужин. А когда порядком темнеет, перебираемся в дом. Под предлогом того, что Дашенька притомилась и хочет отдохнуть, мы уединяемся в «нашей» комнате. Заставив меня полюбоваться несколько минут вечерними пейзажами в окне, моя милая переодевается за ширмой в любимый домашний халатик и со вздохом опускается на кушетку.

– Иногда под вечер так устаю, что хочется просто лечь и лежать, – тихонько жалуется она с извиняющейся улыбкой. – Особенно, когда она начинает толкаться...

– Что значит – она?!.. – шутливо принимаю вид оскорблённого до глубины души. – Не она, а он! Потому что, как глава семьи, считаю, что первенцем у нас должен быть мальчик. И попрошу вас, сударыня, прислушаться к моему единственно правильному мнению. В конце концов, я долго и регулярно работал над этим!

Услышав эти слова, моя милая смущённо краснеет и весело хихикает в ладошку:

– Да, я помню твое лицо в эти моменты... То есть вы, милостивый государь, хотите, чтобы всё в мире совершалось по вашему желанию, а я была бы послушной рабыней и исполнительницей мужниной воли?.. Судя по твоей нахальной ухмылке, так оно и есть!.. Может быть, и правы некоторые экзальтированные особы, утверждающие, что женщины должны иметь равные с мужчинами права?..

– Ну, во-первых, насчёт желаний – не всё, но многое, так сказать, – в пределах дозволенного. Во-вторых, не надо слушать всяких там дамочек, прикрывающих свою не очень счастли-

вую личную жизнь разными увлекательными, но вредными фантазиями. А в-третьих, подумай, как хорошо, когда сначала появляется мальчик, а потом, через годик он становится старшим братом младшей сестренке...

– Что?! Ты хочешь?!.. Да ни за что!.. Ты хоть представляешь, каково это?! Только через два-три года, и не раньше!.. Ой!.. Опять!.. – Возмущение на лице моей ненаглядной сменяется короткой гримасой боли, Дашенька прижимает руки к округлившемуся животу...

– Что случилось, моя хорошая? – Мгновенно превращаюсь из Повелителя Вселенной в слегка перепуганного будущего молодого папашу. – Тебе плохо? Принести воды?..

– Нет, не надо, все уже прошло... Снова толкался... – Даша как-то по-детски обиженно смотрит на меня. В голове всплывает то ли прочитанное в книге, то ли увиденное в кино, и очень подходящее к случаю... Аккуратно сажусь рядышком и наклоняюсь к животу...

– Сыночка, привет! Это я, твой папа. Очень прошу тебя, маленький, потерпи еще немножко. Скоро мы встретимся. А пока, пожалуйста, не делай нашей маме больно. Ей и так нелегко приходится... Вот когда появишься на свет божий, тогда и будет самое время резвиться и баловаться. Сначала ты будешь лежать в своей кроватке и проверять, что крепче – твой голос или наши нервы. Потом научишься садиться, вставать, ползать, бегать на четвереньках. А потом, когда сделаешь свой первый шаг, мы устроим бо-ольшой праздник! И у тебя будет так много красивых и интересных игрушек!.. А еще позже, когда подрастешь, я научу тебя кататься на велосипеде и играть в футбол... И мама, и я тебя очень любим и очень ждём, когда ты родишься...

Поднимаю голову и вижу Дашины глаза и улыбку. Тихонько чмокаю её в щеку и шепчу на ушко, как будто кто-то может нас подслушать:

– Вот видишь, любимая, как велика воспитательная сила отцовского слова...

Получаю в ответ шуточный подзатыльник и почётные титулы оболтуса и болтуна. Но наши семейные забавы довольно быстро подходят к концу. Дашенька действительно выглядит довольно усталой, поэтому опять смотрю в тёмное окно, пока она перебирается в кровать. А потом снова сажусь рядом и беру её прохладную ладонь в руки.

– Помнишь, я как-то рассказывал тебе сказку про Дениску-дурачка?

– Да, а чем она закончилась? – Моя рыженькая лисичка-сестричка вопросительно смотрит на меня уже немного сонными глазами.

– А тем, что царевна Даша вылечила-выпестовала его, и превратился Дениска-дурачок в Дениску-богатых. Собрал он тогда своих дружков и предложил им силушку растить, чтобы всем богатырями стать. И стали они тренироваться и днём, и ночью. Из ружей стреляли так метко, что даже иногда в забор попадали, на котором мишени висели. Камни вместо гранат так ловко кидать научились, что в округе ни одного целого окна не осталось. Местные жители рассердились на богатырей Денисовых с ним же во главе и решили переловить их и рёбра всем пересчитать. Но дружина богатырская еще и бегать тренировалась, пытаясь по лесам за зайцами гоняться. Правда, ни одного не поймали, зайцы те кошками оказались и на деревьях прятались...

Так и унесли ноги чудо-богатыри. Долго ли, быстро ли бежали, а встретили в одном лесу старичка-лесовичка, почтальоном называемого. И поведал им тот старичок весть грустную. Мол, войной на землю русскую враг пошёл. И зовут того врага... – Зараза, кроме старого анекдота на ум ничего не приходит, хорошо, что Дашенька уже почти спит. – И зовут того врага – Чудище Поганое. И пришёл он на землю русскую с полчищами неисчислимыми. И все воины его куда ни глянут, всё вянет. Как саранча злая, идут по земле, только пепел и руины за собой оставляя. А сила их – в шапках диковинных, из кожи деланных, на соусник, вверх дном перевернутый, похожих, а поверх еще и шишак острый торчит там. И потому обладают шапки те силой колдовской, с которой никто справиться не может.

Как узнал о том Дениска, закричал громовым голосом: «А ну-ка пошли, друзья-товарищи, воевать то Чудище Поганое!» А дружки его перепугались, да и отвечают: «Ты, Дениска, как самый сильный богатырь, иди и придержи полчища вражеские, а мы тем временем за подмогой стоняем!» И как дали стрекача, только пятки засверкали.

Порадовался Дениска, что так хорошо они бегать натренировались, да и пошёл навстречу Чудищу. Вышел в чисто поле, а там – рать вражеская, неисчислимая, от края и до края. И посередине стоит Чудище Поганое, и шапка его колдовская на солнце блестит. И хохочет над Денисом: «Вот какое войско великое на нас ополчилось! Аж целый богатырь пожаловал!»

Тут Дениска ему и говорит: «А ты не радуйся раньше времени! Вот когда победишь, тогда и будешь ржать голосом своим лошадиным!»

Пуще прежнего развеселилось Чудище и кричит в ответ:

– Да я тебя тремя щелбанами насмерть уложу и не запыхаюсь!

– А ты, как я вижу, из детских забав еще не вырос! Возвращайся домой, а то заблудишься, плакать станешь! Давай по-мужски решим. Кинем жребий, да по три удара каждый другому и влепит!

На том они и порешили и жребий кинули. И легла монетка так, что первому бить выпало Чудищу Поганому...

Всё, спит моё чудо рыжеволосое. Тихонько посапывает в подушку, только пальчики в моей руке иногда подрагивают. Но историю нужно закончить...

– ...Первый раз ударило Чудище Поганое – по колено в землю Дениска вошел. Второй раз ударило – по пояс в землю Дениска вошел. В третий раз ударило Чудище – по шею в землю Дениска вошел. Потом вылез из ямищи глубокой, испил водицы ключевой, выломал дубок десятилетний...

Первый раз ударил Дениска – стоит Чудище Поганое. Рассердился тут богатырь, размахнулся и второй раз ударил – стоит Чудище Поганое. Ну как осерчал тут Дениска, да как влупит со всей дури – стоит Чудище Поганое... Одни только уши из жо... Кх-р-гм... Одна только шапка колдовская из штанов торчит...

Глава 3

Вот теперь пора заниматься делами посерьёзной устного фольклора. Тихонько, стараясь не скрипнуть половицей, выхожу и осторожно прикрываю дверь. Тестя с тёщей не видно, наверное, собрались отрабатывать команду «Отбой». Ну, и очень хорошо, пойду поищу Семёна, чтобы узнать последние неприятные новости.

Сибиряк с мальчишками сидит на лавочке возле крылечка и что-то негромко им рассказывает. Присаживаюсь рядом...

— ...С виду – увальень увальнем, а силы и быстроты в нем на десять мужиков хватит. Один раз, помню, подрядились мы с одним барином важным из Ново-Николаевска на медведя его с двумя друзьями сводить. Так оне, герои городские, не в обиду тебе, Саша, с лабаза охотиться не захотели, потребовали в тайгу их вести. Тогда мне напарник, Ивашка, и предложил, мол, есть место, где недавно Хозяин появился, давай туда. Ну, думаю, парень местный, из остяков, в тайге родился, в тайге живет, коль говорит, значицца – знает. Вот и двинули мы в те края. А я ешо барам этим говорю, мол, охотиться будем с подходу, надобно, чтоб ни шороха, ни бряка не было, уйдёт добыча-то. Они в ответ тока смеются, вот выведи, говорят, нас на выстрел, а тама посмотрим, и на ружья свои показывают. А стволы-то у них богатые были, не нашенской работы. Впрочем, мы с Ванькой думаем, помотаем их по тайге, да деньгу и срубим, уговор такой был – на зверя вывести. И вывели... Да только медведь-то, как потом оказалось, подранком был, вместо того штоб уйтить, нас услышав, петлю вокруг сделал, да сзади и кинулся. Эти горе-охотники со своих ружей лупанули, да только целиться со страху позабыли. Так вот тут напарник мой к зверю и кинулся. Палом своим ему сначала по глазам полоснул, потом в шею вогнал, да от лапы медвежьей за кедру-то и улетел. Ну, тут уж и я подоспел, со своей тулки с двух шагов его под лопатку и жажнул.

— Дядь Сём, а что такое «пал»? – подает голос любопытный Сашка.

— А это палка недлинная, где-то чуток боле, чем аршин, а к ней такой нож большой, в локоть, приторочен. Вещь в тайге незаменимая. И тропу расчистить, и дров нарубить, и как оружие.

— Так если дрова рубить, оно же быстро сломается, – не унимается почемучка. – Лезвие-то к ручке как крепко приделать? Чтоб об поленья не сломать?

— А какие в тайге поленья? – удивляется Семён. – Там сушняк, что под ногами, и есть дрова. Это тебе не печку топить дома. А сам нож крепится очень даже крепко. В палке расщеп делается, туда хвостовик и загоняется, а перед этим на палку кожа мокрая с бычьего аль лосиного хвоста надевается. Когда высыхает, крепче железа становится.

— Но всё равно, что это за оружие, палка с ножом?

— Ты, выюнош, в тайгу еще не ходил, многого не видел. Тот же Ванька-остяк вон, когда тропу бьёт, ёлку с одного удара перерубает, а пока она до земли летит, ствол еще на пару кусков пластает. А толщины там – с пол-ладони. Вот так-то... Ладно, время позднее, шагайте-ка, соколики, спать. А я вот с Денисом Анатоличем ешо побалакаю малость.

Дожидаюсь, пока парни исчезнут за дверью, и с языка срывается очень волнующий меня вопрос:

— Ну, что, Семён, как тут дела?

— Было всё тихо, командир, да пять дён назад гостюшки незваные объявились. Самым первым – лотошник, калачами да булками торговать повадился. – Семён невесело усмехается, затем продолжает: – Товар у него стоящий, да только очень уж похожий на тот, что в булошной с два квартала отсель продаётся. Я туда сходил, похвастался, што соперник у них появился, тут хозяин мне всё и выложил, мол, лотошник этот у него и закупается. И торгует, получается, себе в убыток... И всё глазками своими колючими в сторону дома постреливает. Я Матвея стал

к нему подсылать за калачами, а этот спрашивать начал, что да как. Кто живёт, что делают, ну и всё такое... А ешо офицерик драгунский, поручик, нарисовался. И барышня, вроде на швею аль на служанку похожая. И гуляет эта парочка по несколько раз в день мимо забора. За неё не скажу, а драгунчик – точно ряженный. На нем форма как на корове седло сидит. И точно так же глазками в сторону дома стреляют...

– А еще похожего офицера я видел на днях в компании с одной известной нам всем личностью. – Голос вышедшего на крыльцо тестя заставляет вздрогнуть от неожиданности. – Не удивляйтесь, Денис Анатольевич, Семён ввел меня в курс дела после моих настойчивых расспросов.

– Ну, так не чужой же человек, да и вцепился как клещ, – вполголоса виновато бормочет сибиряк.

– Известная личность, насколько я понимаю, это – Вольдемар?

Александр Михайлович согласно кивает головой и продолжает:

– И ведёт он себя довольно странно. То чуть ли не отворачивался при встрече, а тут такой вежливый стал, делами интересуется, Дашиным здоровьем... когда вы появитесь, спрашивал. И видели мы его, когда гуляли в парке, пару раз с каким-то офицером и барышней, похожей на белошвейку. В летнем кафе...

– Так, понятно. Наверное, зря я его тогда пожалел...

– Нет, Денис Анатольевич, не зря. Гомель – городок небольшой, а этот тип довольно популярен среди местного бомонда. В первую очередь как организатор взаимовыгодных дел... Скажите мне, дорогой зять, почему вдруг такая шумиха вокруг вас? Кому-то перешли дорогу?

– И да, и нет. Кое-кому очень хочется, чтобы я был игрушкой в его руках.

– Но зачем? И кому?

– Затем, что, имея в распоряжении мой батальон и его командира в качестве послушного исполнителя, можно таких дров наломать... А что касается «кому?», имя Александр Иванович Гучков вам о чем-нибудь говорит?

– Однако!.. – Тесть не скрывает своего удивления. – Высоко взлетели, Денис Анатольевич... И что собираетесь теперь делать?

– Как уже говорил, отправить вас всех в безопасное место.

– К академику Павлову в его институт? Думаете, такая всемогущая фигура, как Гучков, не сможет туда дотянуться? Сомнительно...

– Александр Михайлович, прошу поверить мне на слово, эта всемогущая фигура и его люди могут появиться в институте только в качестве безнадёжных пациентов.

– Что, даже с полицией или там еще с кем-то не смогут сделать так, как захотят? – Тестю всё еще не верится в сказанное.

– Да хоть с кем... – улыбается молчавший до сих пор Семён. – Поедут... И не доедут. Я там был – места глухие, леса дремучие. Утянут их лешие с кикиморами к себе в чащобу, и поминай как звали...

Ну да, ну да, особенно, если лешие будут в лохматках, а в руках – «оборотни» с люгерами. Например...

– Ну, хорошо. – Инженер оставляет планы на будущее в покое. – А сейчас что будем делать? Может, вы просто заберёте Дашу с собой и немедленно уедете?

– Александр Михайлович, я заберу и Дашу, и всех вас. Но мне нужен этот Кирилл Иннокентьевич. С ним тоже хотят пообщаться... некие достаточно могущественные персоны. И, поверьте, это не есть цель моего приезда – ловить кого-то, используя близких мне людей как приманку. Просто совпало одно к одному.

– ...Хорошо, я вам верю. Как чувствовал, отпросился на завтра со службы. И Мишу попросил... Что думаете делать?

– С утра встречу на вокзале друзей, постараюсь узнать, где этот чинуша обитает... И, возможно, нанесём ему визит. Хотя эта мышинная возня вокруг дома мне очень не нравится.

– Так, может, дождаться его здесь? Он обещался быть завтра, чтобы получить ответ. – Тесть вопросительно смотрит на меня. – Нас будет пять... шесть вооруженных мужчин, не думаю, что он решится на что-то этакое.

– А как объяснить всё нашим дамам? – Честно говоря, этот вопрос волнует меня больше всего.

– Полина Артемьевна уже в курсе всех дел. А что сказать Даше?... Вам решать. Я думаю, что правду, Денис Анатольевич...

Глава 4

На вокзал я приехал заранее и, пока поезд не пришёл, заглянул в одно местечко. Жандармским отделением называемое. Как-никак, помимо всего прочего выполняли господа функции комендатуры, и надо было «встать на учёт». Дежуривший там корнет, индифферентно задав несколько вопросов и сделав у себя в грессбухе соответствующие записи, сообщает, что более господина капитана задерживать и тратить драгоценные секунды его отпуска не осмеливается, и тут же отпрашивается у сидевшего за соседним столом поручика отлучиться на несколько минут, типа за папиросами. Тот, абсолютно случайно показав пальцем на приоткрытую дверь в кабинет начальника, заговорщицки мне подмигивает и отпускает подчинённого. Отойдя сотню метров в сторону мастерских, сворачиваю в неприметный закуток между складами и дожидаясь вышеупомянутого корнета Мишеньку Каменского, знакомого еще с «курсов повышения квалификации» на базе.

– Здравствуй, Денис Анатольевич. Мои поздравления, – корнет кивает на новенький орден.

– Доброго утра вам, Михаил Павлович. Спасибо. Чем порадуете?

– Интересующее вас лицо прибыло три дня назад, остановилось в «Савое», вчера согласно полученным из столицы инструкциям ему незамедлительно предоставлено в распоряжение купе первого класса на сегодняшний поезд до Петрограда. На три часа пополудни. В городе данный господин встречался с несколькими местными представителями Земгора и прибывшим незадолго до него поручиком Овсиевским, личность которого, честно говоря, вызывает подозрения. Кавалерийский офицер, спотыкающийся о свои ножны, – это нонсенс, но документы в порядке... Чем мы можем еще быть вам полезны?

– Мне нужно, чтобы кто-нибудь на всякий случай в районе часов двух был недалеко от дома инженера Филатова. Повторюсь – недалеко и незаметно. Остальное сделаем своими силами. Утренний поезд, если не ошибаюсь, прибудет минут через десять?

– Да. Если не секрет, кого встречаете? – Юношу разбирает любопытство, но, заметив мою улыбку, пытается отмазаться по-взрослому: – Спрашиваю исключительно в интересах дела.

– Хорошо, исключительно в интересах дела сообщаю, что прибывают штаб-ротмистр Дольский и, если мне не изменяет память, ваш бывший инструктор по рукопашному бою.

– Михалыч?!

– Именно так. Хорунжий Митяев. Всё, прошу простить, Михаил Павлович, мне пора. Передайте мое почтение поручику Незнамову...

* * *

Даша очень обрадовалась приезду старых друзей, но причина их появления несколько сбавила накал эмоций...

– Денис, что за глупый розыгрыш?! Этого не может быть!.. – Моя ненаглядная с явным недоверием смотрит на меня.

– Любимая, это – не розыгрыш. Сейчас некоторым господам очень нужно, чтобы я плясал под их дудку.

– ...А ты сам под чью хочешь плясать?

– Императора, великой княжны Ольги, великого князя Михаила... и генерала Келлера. Хотя с ним мы, скорее, коллеги.

– Но почему? Почему именно ты?

– Дашенька, ты помнишь, что я тебе рассказывал... о будущем? Хоть сейчас всё уже несколько по-другому, главные фигуранты остались те же. В тот раз генерал Иванов не дошёл до Питера. А мы не только дойдём, но и наведём там порядок. Такой, что никакой революции никому больше не захочется. Точнее, не революции, а переворота. И тот же Гучков, будь он неладен, прекрасно это понимая, хочет если не переманить меня на свою сторону, то хотя бы обезвредить.

– Денис, я тебе верю, но... Всё это так странно... Предложение великой княжны, чиновник этот...

– Тебе знаком почерк Ольги Николаевны? И мне – нет. Бумага всё стерпит. Главное – выманить тебя из дома. Не буду говорить как, но я узнал, что на сегодня у него заказано купе. Значит, он не остановится ни перед чем, чтобы посадить тебя на поезд. А там ты уже ничего не сможешь сделать... Я вижу, что ты всё еще мне не веришь. Давай сделаем так... Мы спрячемся и будем наготове. Если после отказа он распрощается и уйдёт, я ничего не буду предпринимать. И никто ничего не узнает...

* * *

Как медленно тянется время!.. Гостиная напоминает какой-то кружок по интересам, только интересы у каждого свои. Полина Артемьевна с Дашенькой сидят у стола и что-то шьют, скорее всего, всякие пеленки-распашонки и прочее приданое малышу. Тесть с Михаилом Семеновичем изображают роденовских мыслителей возле шахматной доски, причем делают это настолько талантливо, что еле удерживаюсь, чтобы вслух не процитировать классическое «Лошадью ходи, век воли не видать!». Михалыч устроился на стуле у входа, чтобы недалеко было до его места дислокации – чуланчика возле входной двери, и тихонько выглаживает лезвие своей любимицы Гурды. Нашим батальонным изобретением, аналогом пасты ГОИ, нанесённым на деревянный брусочек. Я как-то вспомнил про чудодейственные свойства окиси хрома, а дальше Макс Горовский немного поколдовал с мылом, стеарином и керосином, в результате чего возникла еще одна традиция – бриться исключительно хорошо отполированными «оборотнями». Больше всего шума создает Анатолий, задумчиво, со скоростью ленивого метронома, выщелкивающий патроны из магазина «беты» и потом снаряжающий их обратно. И я сам, то в очередной раз проверяющий свой люгер, то, как идиот, вышагивающий по комнате взад-вперед, обдумывая возможные варианты событий. Точный состав «группы поддержки» у питерского гостя неизвестен, так же как и уровень подготовки. Но вряд ли они сразу перейдут к силовому варианту. Значит, здесь работать будем мы с Анатолием, а Михалыч и Семён, занявший свою любимую скамейку с лежащим под полотенцем пэпэшником, займутся желающими помочь господину чиновнику. Александр Михайлович с «дядей Мишей» с волчьей картечью в своих любимых охотничьих ружьях играют роль оперативного резерва. Остается одно слабое звено – как поведут себя в этой ситуации дамы, которым надо еще раз напомнить...

– Даша, ты же помнишь, когда он приедет, нужно будет стоять вот здесь, чтобы...

– Дорогой мой, закон сохранения в этом случае не работает. – Моя милая с удовольствием наблюдает за моим тормознутым выражением лица, затем снисходит до объяснения: – Денис, то, что у меня немного прибавилось... на талии, вовсе не означает, что убавилось в голове и я резко поглупела. Ты уже третий раз пытаешься меня с мамой, как вы там у себя в батальоне говорите... заинструктировать до бесчувствия. Успокойся, я всё помню!

– Попрошу мальчишек растопить самовар, – теща приходит мне на помощь. – Попьем все чаю и успокоимся. А то, действительно, атмосфера какая-то нервная.

– Ага, вон и свежие калачи подспели, – подает голос Михалыч. – Вон он... ходит уже...

На улице действительно появляется первая ласточка – липовый лотошник. Типа на разведку вышел, сволочь. Значит, скоро начнется какая-то активность...

Глава 5

Активность начинается немного не так, как предполагалось. В калитку стучится какой-то работяга-путеец, мы тут же разлетаемся по местам, и я слышу через не до конца закрытую дверь интересный разговор:

– Михаил Семенович, и вы тут? От здорово! Я ж до вас обоих послан. Аляксандр Антонович до вас послали, срочно на службу требуют.

– Хорошо, братец, беги обратно...

– Интересно, зачем именно сейчас мы Униговскому понадобились, а, Саша? – многозначительно басит Михаил Семенович, еле дождавшись, когда за посыльным хлопнет дверь. – Ведь знает же, что...

– Миша, ты же знаешь его. – Тесть в раздумье потирает подбородок. – Может, не пойдем никуда?

– Нет, Александр Михайлович, надо идти. За домом наблюдают, если вы останетесь, поймут, что что-то не так, – пытаюсь объяснить простейшие вещи взрослым людям. Мандраж от ожидания прошел, настало время действовать.

Минут через пять приходится еще раз прятаться, причем делаю это с большим трудом, уж больно хочется с человечком пообщаться. С Вольдемаром, бл... Аристарховичем, который, колобком выскочив из пролётки, несётся в дом.

– Здравствуйте, господа! Полина Артемьевна, Дарья Александровна, моё почтение! Как хорошо, что я вас застал! – Вежливые фразы сыплются горохом. – Очень срочное дело! А вас, как назло, нет! Очень важный заказ для армии! Откладывать невозможно! Я – на извозчике, сразу за вами!..

Час пополудни, то бишь тринадцать ноль-ноль. Народу на улице прибавляется. Кроме «лотошника», решившего отдохнуть на завалинке напротив, пару раз мимо продефилировал «кавалерист» с «белешвейкой»... Мальчишки, введенные в курс дела, со своих наблюдательных пунктов через дырки в заборе рассмотрели еще несколько непонятных организмов – двух студентов и какого-то работягу, которые стояли поодаль, чтобы их не было заметно из дома, и в ожидании чего-то дымили папиросами. «Статисты» на месте, шесть человек...

Подъехавший извозчик заставляет нас снова бесшумно разлететься на исходные. Михайл одним кошачьим движением исчезает в коридоре, Анатолий прячется за дверь в родительской комнате, я делаю то же самое в нашей...

– Здравствуйте, сударыни! – раздается незнакомый голос.

Перемещаюсь немного влево, чтобы в узенькую щелку наблюдать за происходящим. В гостиной появляется импозантный дяденька в новеньком френче. На холеном лице всеми цветами радуги нарисованы радость от встречи и почти неподдельное удивление.

– Вы еще не собрались?! Как же так?!.. Милые мои, нам нужно поторопиться, скоро поезд!

– Простите, Кирилл Иннокентьевич, но в прошлый раз вы сказали, что даёте нам время подумать... – пытается возразить ошеломленная таким напором Полина Артемьевна. – Мы еще не дали вам ответа...

– Ах, боже мой, боже мой, какая очаровательная провинциальность! Неужели вы не понимаете, что от предложений, исходящих от августейших особ, нельзя отказываться? В столице, например, такой отказ означал бы намерение обидеть члена Царствующего дома... Слава богу, я на всякий случай приехал с Надеждой Ильиничной. Она поможет вам собраться! – Кирюха показывает на стоящую рядом невзрачную дамочку в костюме сестры милосердия. – Давайте же поторопимся!..

– Простите, сударь, но моя дочь никуда не поедет! – теща добавляет твёрдости в голос.

– Я хотел бы услышать это из уст самой Дарьи Александровны. – Медовое выражение сползает с лица чинуши, его глазки становятся колючими.

– Я никуда с вами не поеду, Кирилл Иннокентьевич! – Дашенька делает маленький шагок назад, становясь точно туда, куда я показывал.

– Боюсь, вы не оставляете мне выбора, сударыни. – «Чиновник по особым» опускает правую руку в карман кителя, затем в ней появляется что-то металлическое...

Вперед!.. Дверь ляпает о стену, два шага, Даша уже за моей спиной, люгер смотрит противнику прямо в лицо.

– Замри, тварь! Не двигаться!..

Почти одновременно со мной появляется Анатолий и тоже целится «в тыковку».

– Медленно, без резких движений достал руку! И – только дернись!..

На чиновничьей мордочке написана полная гамма чувств от досады до ненависти, но он послушно вытягивает из кармана небольшой браунинг.

– Оружие – на стол! Шаг назад!

Первая команда выполнена, но отойти он не успевает.

– Там ещё!.. – В комнату влетает Сашка... И не успевает договорить до конца! Спутница чиновника хватается парнишку за волосы, дёргает на себя, прикрываясь им, в правой руке у нее появляется небольшой, но, похоже, острый клинок, который тут же прижимается к шее заложника.

– Что, взяли?! – злобно орет «сестра милосердия». – Бросьте оружие!

– Саша! – в отчаянии кричит Полина Артемьевна, Даша, бледная, как полотно, хватается за косяк, чтобы не упасть...

Анатолий опускает ствол, не собираясь, между тем его бросать куда-то, на прицеле теперь колено. Следую его примеру... И смотрю в Сашкины глаза. Там помимо страха плещется еще что-то непонятное... Меня, как током, пробивает догадка!.. Семен учил их этому приему! Но одно дело – безобидная возня с Матвеем, когда в руках деревяшка, и совсем другое – когда кожу холодит наточенное железо...

– Я же говорила, что надо было с самого начала так поступить! – дамочка презрительно кидает фразу Кирюхе. Я стою в шаге от неё, но ничего сделать пока не могу. Остается ждать!.. Чиновник, торжествующе улыбаясь, уже тянется к пистолету на столе... «Сестра» на секунду отворачивается в сторону открытого окна, издавая громкий свист... Из всех сил мысленно кричу Сашке «Давай!». Даже если уберёт шею на сантиметр от ножа, мне будет достаточно!..

Парень решается, бодает тётку затылком, одновременно его рука идет вверх, захватывает кисть с ножом у основания большого пальца и скручивает её вниз по своему телу, разворачиваясь корпусом по часовой стрелке. Но из-за разницы в массогабаритах ему не удаётся удержать захват... Впрочем, это и необязательно. «Сестра», еще толком ничего не поняв, приземляется на пол...

Шаг левой на руку с ножом, даже через подошву ощущаю, как хрустят фаланги, быстрый присед, рукоятка пистолета безошибочно находит нужную точку за ухом, прерывая вопль боли. Не вставая, разворачиваюсь на колене в сторону чинуши.

– С-с-с-тоять, с-с-с-...!.. – мой голос похож на змеиное шипение.

Кирюха быстро отдергивает руку от скатерти и замирает.

– На колени! Руки за голову!

Подскакиваю к нему и пробиваю с левой в солнечное сплетение. Анатолий одновременно со своей стороны пинком в колено заставляет тушку рухнуть вниз. Сквозь раскрытое окно во дворе слышны какие-то крики, затем бабахает два выстрела. Тело думает быстрее мозга, щучкой ухожу в окно, слыша сзади крик Дольского: «Держу!» Приземление, кувырок, возле калитки вижу шевелящихся на земле Семёна и Матюшу, а рядом с ними – валяющихся «кавалериста» с «лотошником». Еще вижу чью-то стоящую в калитке тушку, которая поднимает

руку и начинает стрелять. В то место, где я был только секунду назад. Люгер отвечает тремя выстрелами, тушка падает, но за ней нарисовывается еще одна. Кувырок вправо, выстрелы, снова кувырок, опять жму на спусковой крючок. Еще один противник приземляется, но в последний раз курок сухо шелкает... С другой стороны забора слышен топот, кто-то спешит нападающим на помощь... Или на свои похороны...

Хватаю «бету», так и оставшуюся лежать на скамейке, и, перепрыгнув через трупы, выскакиваю из калитки на улицу. Справа на меня несутся человек пять, причем, что характерно, все со стволами и вполне понятными намерениями. Дистанция – десять-двенадцать метров, мои отработанные рефлексy помогают действовать мгновенно. На колено, длинная – во весь магазин – очередь веером, промахнуться очень трудно... Тушки только успевают упасть на землю, как из-за старой липы грохочут новые выстрелы. Да, бл... сколько вас тут?!..

Фонтанчики песка поднимаются почти у самых ног, опять ухожу в кувырок, стараясь упасть за трупамy и выиграть пару секунд для перезарядки... Кнопка, магазин из горловины, перевернуть, вставить, затвор на себя... Хорошо, что спарку зарядили. Из-за забора доносится короткий свист: «Все в порядке», я встаю и, держа ПП наготове, иду вдоль забора, предварительно чирикнув в ответ «Свои». За деревом Михалыч уже обтирает клинок Гурды лоскутом, откpоенным от юбки «белошвейки». Сама она лежит в расползающейся по земле луже крови из рассеченного горла. Рядом лежит пистолет, из которого меня чуть не убили. Нагибаюсь и поднимаю теперь уже митяевский трофей. Интересный такой пистолетик, как раз для скрытого ношения, но далеко не во всякой дамской сумочке и не на всякого любителя. Во всяком случае, не для женских рук. Кольт 1903, калибр 0.32, или по-нашенски 7,65 мэмэ...

Глава 6

Сзади слышится топот бегущих людей, оборачиваюсь, одновременно поднимая ствол, но вовремя узнаю корнета Каменского и поручика Незнамова, возглавляющего табунок нижних чинов. Одышка от бега и курения не мешает последним быстро организовать наведение порядка.

– Денис Анатольевич... все в порядке? – запыхавшись на бегу, спрашивает Незнамов.

– С этими – уже да, но у нас, похоже, Семёна зацепило, сейчас посмотрим...

Захожу во двор, и на сердце легчает. Сразу по двум причинам... Семён в промокшей кровью на правом боку гимнастерке сидит, прислонившись к калиточному столбику, придерживая за плечи Матвея, которому Даша бинтует окровавленную голову. Подняв голову, моя ненаглядная спокойным и не терпящим никаких возражений голосом командует:

– Обоих следует отправить в госпиталь. Матюше необходимо зашить рану на голове, у Семена Ивановича – перелом рёбер, возможно, оскольчатый...

– Я двоих ножами положил... – сибиряку трудно дышать, да и говорит он через силу, морщась от боли. – А третий стрелять начал. Сперва увернулся, пуля по рёбрам чиркнула, а потом Матвей из кустов ему под ноги бросился, прицел сбил... Ну, он мальчонку рукояткой по голове... А там и ты, командир, вылетел...

– Денис, найди извозчика, нужно срочно ехать... Что ты стоишь столбом, у меня всё хорошо, а им нужна помощь!.. – Даша напоминает, кто сейчас главный во дворе... М-да, наверное, «медик» – это не профессия, а диагноз. Я думал, без всяких нюхательных солей с обмороками и истериками не обойдемся, а тут вон раскомандовалась... Лисичка-медсестричка моя любимая!..

– У нас через улицу фургон стоит, за ним уже послали, – пытается отмазать меня поручик. – И за дрогами тоже. Хорошо стреляете, Денис Анатольевич. На всю компанию только двое раненых, да и то неизвестно, выживут ли. И кого нам теперь допрашивать?

– Илья Иванович, не надо никого допрашивать. Когда начнут искать чиновника, я думаю, должны найтись свидетели, которые подтвердят, что тот, как ни в чём не бывало, вовремя сел на поезд в сопровождении двух дам и офицера. А вот что недоехал, так тут уж ничего не попишешь. Может быть, вышел на какой-нибудь станции покурить да и отстал от поезда. Без денег и документов. Всякое ж может случиться. А этих... неудачливых налетчиков-грабителей-уголовников никто и искать не будет.

– Насчет грабителей – мысль неплохая. – Поручик раздумывает недолго. – Вполне сойдет для официальной версии. А проходившие мимо господ офицеры, движимые чувством долга, помогли отбиться... А мы еще и вторую версию запустим, в виде сплетни. Мол, в мастерских новое оружие для армии делают, а германские шпионы хотели захватить этот секрет...

Подъехавший фургон приостанавливает творческий полет мысли. Осторожно грузим Семена с тугой повязкой на груди и Матвея на наспех подостланные одеяла, чтобы не так трясло. Корнет Каменский садится рядом с возницей, который тихонько трогает лошадей. А мы возвращаемся в дом, где Анатолий, наверное, уже успел заскучать. Как оказалось, он не терял времени. В комнате на полу лежит еще не пришедшая в сознание «медсестра», руки и ноги которой, тем не менее, крепко стянуты плечевыми ремнями портупей, еще недавно красовавшейся на чинуше, согласно последней тыловой моде. Переломанную руку Дольский, правда, пожалел и стянул за спиной локти так, что дамочку аж выгнуло вперед. Сам Кирюха валяется рядом примерно в такой же позе, а господин штаб-ротмистр пытается вести светскую беседу с Полиной Артемьевной и уже пришедшим в себя Сашкой. Дашенька сразу бросается к маме, начинаются взволнованные женские воркования, а мы тем временем начинаем изучать свою добычу. С содержимого карманов, которое лежит аккуратной кучкой на столе. Так, пистоле-

тик мы уже видели, Баярд 1908. Маленькая, но достаточно серьезная игрушка калибра 7,65... Дальше... Портмоне... А это, наверное, то самое письмецо! Пахнет «Букетом императрицы». Но это еще ни о чем не говорит... Так... Это типа преамбула, оказать всяческое содействие... М-да, топорно как-то... Ага, вот!.. «Милейшая Дарья Александровна... Бла-бла-бла... Будучи шефом батальона, которым командует Ваш супруг... Считаю своим долгом... Учитывая, сколь многим ему обязана... Ля-лятополя... В одной из акушерских клиник Петрограда...» И подпись – «В. Кн. О.Н.». Хорошо придумали, учитывая, что почерк отправителя вряд ли известен адресату! С этим мы позже разберёмся, а пока смотрим «улов» дальше... Серебряный портсигар с элегантной забугорной зажигалкой... Пижон дядя, однако... Ключики какие-то... Блокнот, его – к письму... Ага, а вот и интересная коробочка. С не менее интересными пилюльками – «люминал» называются...

С помощью Михалыча привожу пленного в вертикальное положение. А, вот почему он молчал как рыба об лед! Носовой платок в качестве кляпа... А глазки-то сверкают! Прямо новогодняя иллюминация!.. Вытаскиваю затычку, дяденька несколько раз двигает челюстью вправо-влево, разминая затекшие мимические мышцы, затем начинается вполне ожидаемый спектакль:

– Что вы себе позволяете?! Я требую, чтобы меня немедленно развязали! Извольте обращаться со мной в соответствии с чином!.. У-у-й-ф-ф...

Гневная тирада прерывается тычком под дых от меня и «лещом» в Гришином исполнении.

– Слушать будешь, или добавить?.. Значит, так... Кирилл Иннокентьевич, правила игры следующие: я спрашиваю, ты – отвечаешь. Негромко, и, самое главное, правдиво, как на исповеди... Вопрос первый: зачем таблетки?

– Это – снотворное... плохо сплю по ноча-а-м-у-й-й!..

– Отныне врать – это больно. Повторяю вопрос: кому предназначались таблетки?

– ...Вашей... супруге... Чтобы в поезде...

– Денис! Остановись! – Дашин голос приводит в чувство. – Это же простое снотворное.

– Нет, эти таблетки нельзя принимать в твоём положении, с ребёнком может случиться непоправимое.

Даша взглядом спрашивает, откуда я это знаю, но потом слегка бледнеет от пришедшего понимания. Но остановиться действительно надо. Не устраивать же экспресс-потрошение на глазах у нее и тещи...

– Ладно, еще два вопроса... Твои дальнейшие действия, если всё бы удалось?

– ...Сегодняшним поездом убыть вместе с... Телеграмму об этом я уже отправил. – Кирюха пытается выпрямиться и придать себе более важный вид. – Меня будут разыскивать... Вы еще не поняли, с кем связались!..

– Об этом ты мне расскажешь завтра. В более подходящей обстановке... Второй вопрос: какова роль Вольдемара Аристарховича? – Хоть и знаю, но хочется получить подтверждение своим догадкам. – Когда и где вы должны встретиться?.. Ты ведь должен оплатить его услуги?..

– Он помогал собирать информацию... И увести из дома господина инженера...

– А ответ на первый вопрос?

– Он... Уже получил всю сумму...

– И что же, вот так, без расписки, просто отдали деньги? А если бы он решил смухлевать?

– В отличие от вас, он прекрасно представляет, какие люди стоят за мной. – Чинуша пытается изобразить величавый вид, но пока что у него это плохо получается.

– Денис, что мы теперь будем делать? – Даша испытующе смотрит на меня, ожидая ответа.

– Все вместе поедem в гости к дяде Паше и тётке Маше, – приходится переходить на эзопов язык, но, слава богу, меня сразу понимают. – А там – разберемся. Вы пока с Полиной Артемьевной собирайтесь, а мне надо сделать еще одно дело...

Глава 7

Уже немолодой, лет за сорок, полноватый человек впервые в жизни не знал, что делать, и поэтому пребывал в полнейшей растерянности. За свою достаточно долгую и насыщенную карьеру он не раз попадал в щекотливые ситуации и всегда выходил из них победителем, но на этот раз что-то пошло не так. Человек встал и, шаркая спадающими из-за отсутствия шнурков ботинками, еще раз обошёл в кромешной темноте маленькое помещение, ощупывая руками холодные влажноватые бревна. Делал он это не в первый раз, скорее желая отвлечься от неприятных мыслей, нежели снова пытаясь позвать кого-то через запертую дверь, набранную из двухдюймовых досок, скреплённых большими болтами. Оставив через некоторое время своё бессмысленное занятие, он так же на ощупь вернулся на место – грубо сколоченный из неструганных досок топчан, на свалывшийся, пахнущий плесенью и прелым сеном матрас.

С юных лет Кирилл Иннокентьевич, тогда еще просто Кирюша, и в гимназии, и позже, в университете, обнаружил у себя практически звериное чутье и завидную интуицию, безошибочно определяя в спорных ситуациях сильнейшего и вовремя примыкая к побеждающей стороне. Что далеко не в последнюю очередь послужило залогом его если и не головокружительной, то, во всяком случае, очень удачной карьеры.

За последнее время Кирилл Иннокентьевич уже попривык к тому, что, являясь незаменимым помощником столь могущественного человека, как Александр Иванович Гучков, и выполняя его не подлежащие широкому оглашению, деликатные «особые поручения», является проводником его воли, его глазами, ушами, а иногда и карающей десницей. И его уже не удивляло и не шокировало, а лишь немного забавляло то, что даже некоторые аристократические дамы были готовы на очень многое, чтобы заслужить его благосклонность, а на лицах вальяжных сановников появлялось наигранное дружелюбно-лебезящее выражение при его появлении. Иногда ему даже казалось, что сам патрон прислушивается к его советам, многие из которых, само собой, были дельными и единственно правильными в сложившихся ситуациях. Вплоть до последней...

Когда Александр Иванович поручил ему собрать всю информацию о семье некоего капитана Гурова, Кирилл Иннокентьевич справился довольно быстро, используя многочисленные связи в отделениях Земгора, Красного Креста и иных организациях. И незамедлительно доложил обо всем, включая и «интересное» положение супруги капитана, что вроде бы усложняло предстоящие действия, но затем, следуя внезапному озарению, предложил план действий, показавшийся очень удачным и заслуживший одобрение благодетеля. И даже сам взялся осуществить задуманное. Александр Иванович внёс некоторые коррективы и обеспечил группой боевиков с помощью князя Урусова, с которым был в очень хороших отношениях.

Всё шло как и задумывалось, и даже когда этот капитанишка выскочил как чёртик из табакерки и Кириллу Иннокентьевичу пришлось претерпеть некоторые физические неудобства и немного отойти от первоначального плана, он не слишком огорчился. В его практике уже было несколько моментов, когда оппоненты точно так же горячились. Но ровно до того момента, пока не узнавали, чьи именно поручения он выполняет, а услышав магическое имя, сдувались, как лопнувшие мыльные пузыри, и победа всегда была на его стороне.

Но в этот раз такого не произошло. Кирилл Иннокентьевич спокойно позволил посадить себя в поезд, рассчитывая в душе лицезреть удивление Александра Ивановича, когда он доложит, что привёз не только супругу героя, но и его самого, готового к спокойному разговору и сотрудничеству.

Однако Гуров отреагировал на новость совсем не так, как хотелось бы. Фамилия Гучкова не произвела на него абсолютно никакого впечатления. Он индифферентно предложил помолчать, обещая, что времени для подробного разговора впереди будет еще предостаточно,

и заставил выпить таблетку люминала. Дальнейшее Кирилл Иннокентьевич помнил с трудом. Рано утром они сошли на какой-то станции и сели в две окрашенные в зелёный, защитный цвет пролётки, где ему тут же надели на голову плотный мешок и связали руки...

* * *

Размышления прервал невнятный шум снаружи и последовавший за ним скрежет ключа в замочной скважине. Свет керосиновой лампы после полной темноты показался ослепительно ярким, и Кирилл Иннокентьевич невольно прикрыл глаза рукой.

– Ну что ж, господин хороший, вы еще в поезде хотели побеседовать, теперь у меня есть немного свободного времени, – в комнатке раздается вежливо-насмешливый голос Гурова. – Так о чем вы хотели поболтать?

– Господин капитан! – Нервное напряжение Кирилла Иннокентьевича вылилось в истеричном крике. – Вы отдаёт себе отчёт?! По какому, чёрт возьми, праву вы со мной так обращаетесь?! В конце концов, это неслыханно! Это возмутительно!.. Это...

– Поберегите свой ораторский талант для другого случая, милейший, – в голосе капитана теперь слышится лязг металла. – Насчёт своих прав будете шуметь в другом месте и в другое время... Если, конечно, доживёте до этого момента.

Последние слова заставили Кирилла Иннокентьевича замолкнуть на полуслове. Точнее, даже не слова и даже не тон, которым они были произнесены, а взгляд, в котором светилась холодная ярость. Та, которая не затмевает разум, а наоборот, придаёт ему силы и решимость, делает мысли чёткими и ясными.

– Вы назвали моим близким Кириллом Иннокентьевичем, – Гуров продолжает говорить уже спокойным, размеренным тоном. – Мне всё равно, настоящее это имя или вымышленное. Для простоты я буду называть вас так. А говорить мы будем о другом. Точнее, я буду задавать вопросы, а вы – давать на них ясные и чёткие ответы.

– На что вы надеетесь, Денис Анатольевич? – К Кириллу Иннокентьевичу потихоньку стала возвращаться уверенность в себе. – Вы же понимаете, что меня будут искать. Очень тщательно и со всем рвением...

– Вы полагаете, что господин Гучков ночами спать не будет, гадая, куда же подевался его чиновник по особым поручениям?

– Да, он приложит все силы, чтобы найти меня... Честно говоря, я не понимаю, почему вы ему оппонируете? Еще год назад вы были одним из многих тысяч прапорщиков. Волею случая вам удалось вознестись довольно высоко, найти сильных покровителей. Почему бы не занять еще одного? Александр Иванович обладает очень большой властью и практически неограниченными возможностями. Вы не пожалеете.

– Оставим мои симпатии и антипатии в покое. Я знаю о данном господине много такого, что не заставит меня даже считать его приличным человеком... Чему вы удивляетесь? Он в открытую называет себя личным врагом государя, которому я присягал. Перефразирую старую восточную поговорку: «Враг моего сюзерена – мой враг». Он распространял неизвестно откуда взятые письма великих княжон к Распутину с целью дискредитации императорской семьи. А ведь великая княжна Ольга Николаевна является шефом моего батальона. Ну, и так далее...

Что же касается вас – не обольщайтесь. Гучкову вы безразличны. Он будет искать не вас, а информацию, чем закончилось его последнее поручение, и думать, всплывут ли тёмные делишки, которые вы проворачивали для него. Да и найти ему вас будет очень трудно... Можете считать, что вас уже не существует. Вы бесследно растворились на бескрайних просторах нашей великой империи. Великой в географическом смысле. Так что давайте, закончив сей беспредметный разговор, перейдём к более конкретным вопросам.

– Вы держите меня как узника, причём совершенно незаконно! И я отказываюсь отвечать на любые вопросы!

– Вы так ничего и не поняли, – в голосе капитана снова зазвучал металл. – У меня достаточно способов заставить вас говорить.

– Будете пытаться беспомощного человека? – Кирилл Иннокентьевич всё же позволил себе рискнуть и добавить немного сарказма.

– Нет, никто не будет жечь вас калёным железом, бить кнутом, распинать на дыбе. – Гуров холодно и язвительно улыбнулся. – Я поступлю проще. Вас отведут в лес и привяжут на сутки к дереву... Раздетого... У вас будет время о многом поразмыслить, пока над телом будут издеваться комары и пробовать на зубок всякая лесная живность. Волков вроде рядом с городом не замечено, но за лис и других кусачих тварей не поручусь. Представьте, как они будут вами лакомиться, а вы не сможете даже закричать из-за кляпа... Через двадцать четыре часа я приду, и мы продолжим разговор. А если – нет, будут еще сутки на размышление.

С детства воспитывавшийся в столице, Кирилл Иннокентьевич знал о лесе и его обитателях только из рассказов бонны и гувернантки, поэтому после услышанного окончательно сломался, только на секунду представив себя в подобной обстановке и притом поняв по голосу, что Гуров вовсе не шутит и способен воплотить сказанное в жизнь.

– Итак, вижу, что мои доводы оказались убедительными. – От капитана не укрылась перемена в собеседнике. – Вопрос первый... Куда вы должны были отвезти мою супругу?

– ...В Москве при Екатерининской больнице есть психиатрическая клиника господина Баженова. Александр Ив... Господин Гучков договорился с Гиляровским, который сейчас ведаёт там делами. Тот собирался поставить диагноз, что-то вроде предродового психоза, и обещал надлежащий уход и очень приличное содержание пациентки... – Кирилл Иннокентьевич понял, что, сказав первую фразу, он уже не сможет остановиться... Ну что ж, в конце концов, он всегда умел вовремя примкнуть к сильнейшему... Правда, в этот раз чуть не опоздал...

Глава 8

Отпуск вместо очень короткого, тихого отдыха в кругу семьи принёс очень много проблем и хлопот, которые приходилось решать в режиме ошпаренной кошки. Оставив Дашу на базе, метнулся обратно в Гомель, забрал всех остальных, включая Семёна с Матюшей, и – снова в Минск. Пока шли сборы, удалось еще раз встретиться с поручиком Незнамовым и корнетом Каменским, которые подарили на память номер «Гомельской копейки», где между объявлением о приезде в город цирка-шапито и сообщением о предстоящих концертах известного оркестра господина Яблонского в Максимовском парке, среди других новостей криминальной жизни красовалась заметка в стиле «пошли по шерсть, вернулись обритыми». Красочно, но без лишних подробностей сообщалось, что заезжие «гастролеры»-налётчики среди бела дня решили маленько пограбить дом инженера Филатова, пользуясь тем, что последний находился на службе, но по несчастливому для них совпадению именно в это время приехал на побывку зять инженера, офицер-фронтовик, да еще с парой близких друзей, которые, ничтоже сумняшеся, перестреляли нападавших, защищая незащищенных женщин.

Помимо этого Иван Ильич рассказал, что единственная выжившая бандитка с множественными переломами кисти правой руки уже тихонько этапирована в распоряжение Петра Всеславовича Воронцова, а их стараниями по городу ходит как минимум три версии случившегося, причём у каждой есть множество свидетелей, видевших произошедшее своими глазами. Так что приезжающим вскоре столичным шишкам по особо важным делам будет что послушать и над чем подумать. Тем более что должен приехать некто – Сам! – Муравьев, московский адвокат и довольно известный и толковый сыщик. Помимо этого интерес к событию проявили еще и ветковские старообрядцы. Пока, правда, неизвестно почему и зачем. Так что, приняв всё сказанное к сведению, я убыл обратно, искренне сожалея, что не удалось повидаться с Вольдемарчиком. Эта сволочь в тот же день бесследно исчезла из города.

* * *

Еле успел вернуться в «родные края», как на голову высыпается куча новостей. Правда, в основном приятных. Стараниями Особого корпуса генерала Келлера линия фронта отодвинулась далеко на запад, в паре мест соприкасаясь с линией Керзона, о которой он сам пока еще не подозревает. Дальнейшее наступление Ставка сочла рискованным из-за возможного удара немцев из Прибалтики. А реально его остановили, как я очень подозреваю, стараниями генерала Алексеева, ну никак не захотевшего в очередной раз найти достаточно сил и резервов.

Об этом поведал сам Федор Артурович, заехавший в гости. С кучей наград для всех отличившихся, включая нижних чинов. Все наши рапорты без изменений и вычеркиваний удовлетворили. И еще добавили немного сверх того. Теперь у меня все господа офицеры – с Георгиями, а некоторые еще и с одноимённым холодным оружием. И самому тоже досталось. Я теперь, как рождественская ёлка, весь сверкающий и блестящий. Стараниями его превосходительства в моей коллекции появились Станислав и Анна вторых степеней. Первый – «за разработку и применение новых тактических приёмов, позволивших осуществить прорыв германской обороны с минимальными потерями», вторая – «за командование боем при Барановичах с применением новой тактики, приведшее к нашему решительному успеху, а также за усердие и рвение в деле обучения и воспитания подчиненных нижних чинов» и все такое. Помимо этого mon general вогнал меня в ступор известием о том, что батальон меняет место постоянной дислокации и теперь будет располагаться в Первопрестольной. Вот это действительно новость! Только пока не могу понять, хорошая или плохая...

– В самое ближайшее время, как только императору станет лучше, он подпишет указ о назначении великого князя Михаила регентом при цесаревиче Алексее... Пока что положение, как говорят доктора, – стабильно тяжёлое. Иван Петрович держит его величество на морфии – постоянные боли плюс начинающаяся токсикация. Площадь поражения большая, а ожоговая медицина не существует даже как понятие.

А тут еще Распутин пытается вмешиваться. Типа это Господу угодно, а это – нет. Народный выродок, тьфу... самородок. Сами понимаете, Денис Анатольевич, информация конфиденциальная. Так вот, Михаил Александрович хочет устроить свою резиденцию в Москве, подальше от всяких... В-общем, в аристократических кругах его воспринимают не очень хорошо из-за морганатического брака. Хотя светский салон его супруги в Питере пользуется большим успехом. В основном, как я понял, чтобы через графиню Брасову влиять на мужа. Кстати, между ними на этой почве уже случались размолвки.

Поэтому – Первопрестольная, Петровский замок. А совсем неподалёку, в Николаевских казармах разместится 1-й отдельный Нарочанский батальон специального назначения. На всякий пожарный, чтобы в случае чего очень быстро прийти на помощь. А то решит кто-нибудь в декабристов поиграть, выведет пару батальонов, оцепит замок...

– И тут же умрёт. Если с великим князем будут мои бойцы. Я ведь предлагал отправить в распоряжение его высочества Митяева с «первым составом».

– Вот он и решил принять ваше предложение. – Федор Артурович достаёт из папочки, лежащей на столе, лист бумаги и передаёт мне. – Ознакомьтесь, господин капитан.

– Не-а, ваше превосходительство, в предписании должно быть указано, что они следуют в распоряжение лично великого князя, а не коменданта Ставки, или командира Собственного Его Императорского Величества конвоя. И подчиняться они должны тоже только ему лично, и больше никому.

– Хорошо, убедили. Кстати, Михаил Александрович приготовил вам подарок, если так можно выразиться. Вы ведь вскоре с ротой штурмовиков должны убыть в Ораниенбаум? Там в Стрелковой школе вас будут дожидаться десять пулеметов Льюиса.

– Ух ты! Вот это здорово! Передайте великому князю мою искреннюю благодарность, Федор Артурович!

– Вот сами и поблагодарите, господин капитан. Потому что поедете вместе со мной и своими архаровцами в Ставку, охрану великого князя организовывать. И продумайте заранее варианты.

– Варианты мы на месте посмотрим, а так, навскидку – рядом с ним постоянно должны находиться два-три человека. Конвойцы берут себе внешний периметр, мы – внутренний. Плюс резервная группа наготове. Вооружение: основное – «беты» с двойным, а то и с тройным БК, дополнительное – люгеры и «оборотни»... Вот туда бы еще пару «льюисов»... – Фраза под конец получается очень уж мечтательная, и Келлер помимо воли улыбается, но потом возвращает беседу в серьёзное русло. – Потом отвезете семью в институт, Дарье Александровне вроде скоро... понадобится медицинская помощь? А сами посмотрите Николаевские казармы.

Там сейчас запасная батарея 1-й Гренадерской артбригады, 1-й Донской казачий полк и госпиталь. Последний стараниями принца Ольденбургского уже начал переезжать, артиллеристы тоже скоро передислоцируются. Донцов через месяц-другой заменит моя Сводная кавбригада. А Уральская казачья дивизия чуть позже будет квартировать в Гатчине, в Кирасирских казармах. Они хоть и не новые, но еще пригодны для размещения. Таким вот образом мы перекрываем верными и надежными войсками обе столицы на случай всяких форс-мажоров... – Келлер демонстративно достаёт часы и обращается ко мне с прозрачным намеком: – Не желаете угостить генерала обедом от щедрот своих, а, Денис Анатольевич?

– Конечно, как вы, Федор Артурович, могли сомневаться? – изображаю оскорблённого в лучших чувствах гостеприимного хозяина. – Идём прямо сейчас?

– Да, но по пути заглянем в санчасть... И не надо так ехидно смотреть на моё превосходство. Вы с супругой уже повидались, а я с Зиной – еще нет... А если серьезно, не ожидал от Гучкова таких действий. Надо что-то с ним делать.

– Я уже знаю что именно, Федор Артурович...

Келлер бросает на меня внимательный взгляд, затем, помедлив, примирительно советует:

– Воля ваша, Денис Анатольевич. Но хотя бы с Воронцовым пообщайтесь на эту тему...

Глава 9

Разговор с Петром Всеславовичем состоялся неделю спустя, когда я приехал в Москву поработать квартирмейстером, а заодно с соблюдением всех правил конспирации привёз своё семейство в Павловский институт. Устроив всех с максимальным комфортом и сдав замаявшуюся в дороге Дашеньку с рук на руки доктору Голубеву, вместе с Александром Михайловичем и Петром Всеславовичем отправился смотреть стройплощадку танко-тракторного гиганта «Allis Chalmers Motor Trac in Russia», которая расположилась рядом с деревенькой Капотня в часе езды неспешным из-за дороги ходом.

Пока тесть с прорабом-приказчиком носились среди будущих стен будущих сборочных цехов, то ли распугивая, то ли воодушевляя местных мужиков, трудившихся на строительстве, мы с Воронцовым, сделав «круг почёта», вернулись к автомобилю – покурить на свежем воздухе и поговорить о насущном.

– Что касается вашей истории, Денис Анатольевич... – несмотря на открытую местность и отсутствие лишних ушей, Петр Всеславович говорит негромко. – Оставшуюся в живых террористку доставили к нам, само собой, оказали медицинскую помощь. Помолчала денька два, но потом, после «музыкальной шкатулки», язычок развязался. Член партии эсеров, участвовала в акциях боевой группы. Была арестована, на суде её защищал господин Муравьев. Да-да, тот самый, который сейчас проводит расследование некоего инцидента в Гомеле. И который работает у князя Сергея Дмитриевича Урусова. По её словам, в обмен на мягкий приговор она обязалась оказывать вышеупомянутым господам некоторые услуги, скажем так, уголовно наказуемого характера. И еще добавила, что она не единственная в списке. Их группа из таких вот «должников» и собралась. Что отчасти объясняет их топорную работу... Чиновник по особым поручениям тоже понял, что его жизнь целиком зависит от искренности. Поэтому заливается соловьем.

Воронцов с удовольствием затягивается папиросой, делая небольшую паузу, затем продолжает:

– В-общем, сейчас мы ищем подходы к господину Урусову. И, надеюсь, в ближайшее время будем иметь счастье побеседовать тет-а-тет. Хотя главный заказчик и так известен.

– Ну, с ним, Петр Всеславович, вы вряд ли успеете пообщаться.

Воронцов задумчиво смотрит на меня, затем улыбается:

– Да, кажется, договоримся... Я так понимаю, вы задумали маленькую личную месть?..

– Тот, кто угрожает моей семье, умрёт, как только мне станет известно об этом!

– Денис Анатольевич, не горячитесь так! – Петр Всеславович всё с той же улыбкой смотрит на меня. – Просто... Не хотелось бы, чтобы вы в порыве праведного гнева наделали глупостей. Позвольте объяснить вам кое-какие нюансы... Простите кажущийся примитивным вопрос. Кто, по вашему мнению, угрожает императорской власти? Помимо германцев, естественно.

– Ну, эти только воюют с нами. Не думаю, что в случае победы кайзер Вильгельм будет требовать царской крови и ликвидации монархии... Из внутренних врагов – революционеры-террористы всех мастей и охреневающие от осознания собственной значимости банкиры и промышленники, являющиеся в своём большинстве депутатами Государственной Думы. И, конечно, наши заклятые друзья-союзники.

– Хорошо... Их что-то или кто-то может объединять? – Воронцов продолжает «экзамен».

– Вы имеете в виду некие надполитические и наднациональные силы, действующие во благо человечества прод лозунгом «свобода, равенство, братство»? – Кажется, я догадываюсь, откуда ветер дует.

– Да, Денис Анатольевич, вы правы. – Петр Всеславович становится серьезным. – Я имею в виду масонов. Если позволите, займу ваше внимание небольшой скучной лекцией.

– Почему же скучной? Врага нужно знать в лицо. Я же должен знать, в кого целиться.

– Не всё так просто, как вы думаете... Среди тех, кто поддерживает идею масонства, есть и вполне приличные люди, считающие, что их деятельность идёт во благо народа.

– А-а, ну да, ну да! Как говорится – ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным.

– Наверное, вы правы... Но перейдём к сути дела. Департамент полиции пытается следить за деятельностью масонских лож, но... Позвольте процитирую по памяти: «Масоны – тайная организация, работающая над ниспровержением существующего в России строя под прикрытием всевозможных обществ – просветительских, оккультных, благотворительных. Что делает их практически неуязвимыми для полиции, так как юридически невозможно доказать их преступный умысел». Это – из аналитической справки Департамента полиции от 2 января 1914 года. Кстати, не последней. В феврале этого года полицейский чиновник Ратаев, отвечающий за эту работу, подал докладную директору Департамента генералу Климовичу, но тот так и не дал ей ход.

На сегодняшний день нам известно о существовании сорока масонских лож в стране. Только в Петрограде их семь или восемь. Основные поставщики кандидатов в вольные каменщики – Судебная палата, где-то около пятидесяти человек, профессура Петроградского технологического института, в частности двоюродный брат генерала Рузского, и другие учебные заведения столицы.

В общей сложности, по косвенным данным, требующим дальнейшей проверки, активных масонов сейчас около четырёх сотен. Но, повторяю, это – так сказать, нижнее и среднее звенья. Причём по партийной принадлежности там собрались все, начиная от кадетов и заканчивая эсерами и большевиками из РСДРП.

– Петр Всеславович, насколько я понимаю, обычными способами этой шушере хвост не прижать. – Кажется, я начинаю понимать, куда клонит собеседник. – Только вот еще ни одна презумпция невиновности или депутатская неприкосновенность не смогли остановить пулю в полёте. Только хотелось бы иметь досконально проверенную информацию. Чтобы потом мальчишки кровавые в глазах не мельтешили.

– Само собой, Денис Анатольевич, но это нелегко и требует времени. Хотя мы успешно над этим работаем... Буквально неделю назад в Петрограде на квартире у господина Степанова, члена ЦК кадетской партии, депутата Государственной Думы, а также директора правления Южно-Русского горнопромышленного общества и прочая, собралась интересная компания, прозаседавшая два дня. Это – адвокаты Гальперн и Керенский, профессор Рузский и другие господа, являющиеся масонами, как мы предполагаем, достаточно высокого градуса. Более того, из Москвы к ним на встречу приехали князь Урусов и бывший председатель Второй Государственной Думы, один из основателей партии конституционных демократов господин Головин. Наши аналитики считают, что там проходил всероссийский съезд масонов с целью выработки программы дальнейших действий.

– Простите, Петр Всеславович, но откуда такая подробная информация? – У меня не получается скрыть своего удивления.

– «Дети Священной дружины», как вы нас поэтично назвали, тоже не сидят без дела, – улыбается в ответ Воронцов. – А учитывая, что Отдельный корпус жандармов создавался именно для борьбы с такими вот тайными обществами, установить наблюдение за интересующими нас людьми не составляет особого труда. Тем более что у каждого порядочного человека есть кухарка, лакей, дворник, который знает практически всё о жильцах своего дома, и все они не прочь немного заработать... Помилуй бог, никакой вербовки! К прислуге того же Степанова подкатывали конкуренты-горнопромышленники, например. Ну, не буду утомлять излишними деталями...

Если быть кратким, моё мнение – нужно начинать чистку не снизу, от простых «учеников», затем выходить на мастеров и венераблей, а сверху... Тем более, судов с присяжными и адвокатами, как я понимаю, не предвидится. Я предлагаю разворошить этот муравейник. И начать со столь неполюбившегося вам господина Гучкова, одного из основателей и руководителей Военной ложи. Плюс к этому – планируемая акция в отношении князя Урусова, он тоже не самая маленькая фигура. Но её мы проведём сами в Москве. И не столь жёстко. Нам нужна информация, и его светлость её предоставит.

– Полиграф, а потом тайная комнатка с «музыкой»? – интересуюсь из чистого любопытства.

– Не только. Иван Петрович нашёл интересную штуку. Называется... скополамин, кажется. Проверяли, вроде бы работает. Человек говорит правду и только правду.

– Господи, на ком же вы это зелье испытывали? – притворно ужасаюсь услышанному. – Неужели на ни в чем не повинных людях?

– Да, только эти люди шпионами наёмными оказались. Своими, российскими. Очень многим хочется узнать, что же тут, в институте, у нас происходит.

– А нельзя ли и нам немного такого зелья? Для допросов в полевых условиях.

– Вряд ли, Денис Анатольевич, нужно опытным путём подбирать оптимальную дозу, потом еще какой-то укол делать. Если хотите, доктор Голубев подробно всё объяснит. А пока давайте вернёмся к господину Гучкову. Я полагаю, что внезапная кончина одного из руководителей Военной ложи, через которую, скорее всего, и планируются активные действия против государя, вызовет достаточный переполох. Ну, а перлюстрацию и слежку за остальными фигурантами мы обеспечим... Давайте вернёмся к разговору позже, вон Александр Михайлович уже идёт обратно.

– Да, господа, это впечатляет! – Тесть от увиденного находится в хорошем расположении духа. – Начало грандиозное! И, что интересно, мужики работают на совесть, не из-под палки. В наше время это довольно большая редкость.

– Ничего удивительного, Александр Михайлович. – Воронцов снова ослепительно улыбается. – Они же и потом здесь будут работать. Так академик Павлов им обещал. И зарплату им назвал. В дополнение к этому в деревне его же стараниями откроются фельдшерский пункт и начальная школа для детишек.

– А не слишком ли это рискованно и накладно? – тесть сразу настораживается. – В убыток себе работать не будем?

– Александр Михайлович, это еще один из многочисленных экспериментов Ивана Петровича. А деньги найдутся. Знаете, сколько платят светские львы и львицы за разные там оздоровления и омоложения?..

Дальнейший разговор с Воронцовым продолжить удалось только поздно вечером. И если по способу проведения акции разногласий не возникло, то некоторые особенности, предложенные мной, вызвали у него определенные сомнения из-за кажущейся сложности. Но потом, по зрелом размышлении, Петр Всеславович согласился, что резон в этом есть, и обещал подключить к мероприятию все возможности питерских коллег и «дружников»...

Глава 10

Этот город невозможно не любить. Вот закончится эта грандиозная заваруха, обзываемая Германской войной, плюну на всё, возьму Дашеньку с ребяёнком, соберу всех своих ребят – Анатоля, Валерия Антоновича, Сергея Дмитрича Оладына, Михалыча, Егорку... Всех-всех... И – сюда! Походить по Невскому, полюбоваться на Исаакиевский собор, поплавать по каналам... Но это все потом... после войны... А пока довольствуемся только стихотворной ностальгией...

...И кажется, что я на берегах Невы
Уже почти вот скоро три столетья.
Я помню всех – и мёртвых, и живых,
Тех, кто сейчас на том и этом свете...
Помню я, когда лебеди плыли
По канавке, по Лебяжьей,
Помню ветры метельные, злые
Над Сенатскою однажды...
* * *

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...

Вот уже несколько дней я с Котярой, успешно изображающим денщика, проживаю в меблированной квартире одного из доходных домов на Васильевском острове. По-другому – никак. Хотя и командирован в Ораниенбаумскую офицерскую школу, но бывать в Питере приходится часто, благо Димитр Стефанов давно уже справляется со своими «янычарами» и без меня, а вот господину капитану надо с репетиторами заниматься, чтобы на подготовительные курсы Николаевской академии Генштаба поступить. Начальная алгебра там, геометрия с прямолинейной и не очень тригонометрией всякие, иностранные языки опять же. Это для отмазки, экзамены в Павловском училище еще свежи в памяти, да и те же синусы с косинусами со школы помню...

А так как офицер без денщика, тем более в столице, – абсолютный нонсенс, то и Фёдор со мной. Почему он? А потому что внешность уж больно подходящая для предстоящего дела. Только вот пришлось ему на время снова стать ефрейтором вместо зауряд-прапорщика и выучить наизусть свою новую биографию, где он был ранен и контужен в бою, потому и стал нестроевым. А также хромать на правую ногу и немного горбиться...

Вчера отправил этого детинушку на Варшавский вокзал за «посылкой». Коей являлись два прапорщика – бывший студент-вольнопёр Вадим Федоров и Дмитрий Иванович Остапец. Оба приехали под прикрытием командировочного предписания – направлены по секретной служебной надобности в Императорский горный институт, в окрестностях которого и встали на постой, а затем приехали в гости. Примерно в это же время на квартиру для проведения инструктажа по дальнейшим действиям прибыл господин в штатском, прикрепленный к нам ротмистром Бессоновым, который представился Аполлинарием Андреевичем. Фамилией господин сей не назвался, но и от чая отказываться не стал. На вид был похож на штатского до мозга костей шпака, но тем не менее чувствовался в нем хороший такой стержень. Да оно и понятно – в Отдельном корпусе случайные люди другими делами занимаются, бумажки всякие перекладывают с места на место.

Поблагодарив за приглашение, гость от смежников оставил свой «буржуйский» котелок в прихожей и, усевшись за стол, принял от Котяры стакан свежесваренного чая. Познакомились, из вежливости поговорили о погоде... В ходе разговора подтвердил, что всё будет примерно так, как и планировалось. Ведут клиента надёжные филёры, они же прикрывают отход группы, на нас – только ликвидация. Стрелком работать буду я. Потому что – первый раз и должен показать пример. Знаю, что ни у кого даже в мыслях не проскочит, что типа других посылает, а сам... Но всё равно, исполнять буду своими руками. Тем более что это – *личное*.

– Итак, господа офицеры... Кот, не улыбайся, ты в полушаге от этого... Повторяем еще раз наши действия. – Организую словесное проигрывание операции.

– Я общаюсь с настоящим дворником, добываю у него ключ от чердака и передаю его Дмитрию Ивановичу, – первым высказывается Аполлинарий Андреевич.

– Переодеваюсь в форму дворника, получаю ключ, открываю чердак, слежу, чтобы никто в это время им не заинтересовался, – подхватывает Остапец. – После стрельбы прикрываю уход командира, передаю винтовку Аполлинарию Андреевичу, в случае погони увожу с помощью свистка по ложному следу.

– Я перевоплощаюсь в студента-марафетчика-социалиста-революционера, нахожусь поблизости. При появлении авто выхожу «на сцену». Если что, работаю из люгера по цели и исчезаю, – Вадим Фёдоров спокойно объясняет свои действия, как будто речь идёт о приготовлении какого-то овощного салата...

Когда думал, кого привлечь на акцию, больше всего за него опасался. Конечно же, многое прошли бок о бок, но всё же – бывший студент, тем более, я помню, с каким воодушевлением он общался с тем агитатором в Ново-Георгиевске... Хрен его знает, чужая душа – потёмки, вдруг я о чём-то до сих пор не в курсе... Но проникся парень, проникся. Особенно понравилось мое объяснение про сарай. Как я там брякнул?.. «Знаешь, Вадим, слова Столыпина? О том, что им нужны великие потрясения, а мне нужна великая Россия! Так вот, все революционеры искренне считают, что, разрушив государственность российскую, смогут построить страну еще лучше. А я вот думаю, что из разломанного сарая побольше да получше не построишь, можно только поменьше и похуже!...»

Фёдоров в том разговоре, хитро улыбаясь, признался, что до сих пор со своими друзьями дискутирует время от времени, но уже не как университетские вольнодумцы с мутью в голове и абстрактным желанием сделать всех счастливыми. Повоевав на фронте и за ним и прочувствовав многое лично на себе, они и своё светлое будущее теперь рассматривают как боевую операцию. И что стоит только командиру отдать приказ, батальон очень трудно будет остановить...

– ...Я – городской, кручусь вокруг да около, типа порядок блюду, – теперь настает очередь Котяры. – Когда цель выходит, играю на пару со студентом, свистком даю сигнал к стрельбе. Если что, помогаю Вадиму вторым пистолетом, потом уходим... Вроде всё.

– Ну, а я заканчиваю все действия. – Круг замыкается на Аполлинарии Андреевиче. – Забираю винтовку и даю отмашку коллегам на дальнейшую работу. Кстати, почти все из них проходили обучение в вашем батальоне, некоторые просили передать привет. Под утро ими будет обнаружена и взята штурмом подпольная квартира вновь якобы воссоздавшейся боевой группы эсеров, где и найдут орудие убийства «истинного патриота, радателя за благо Отечества и большой души человека». Правда, без телескопического прицела и в немного испорченном виде. Во время действия на пол упадет керосиновая лампа и устроит маленький пожар. Приклад винтовки немного обгорит, так что отыскать какие-либо дактилоскопические следы будет невозможно...

* * *

На столицу Российской империи, еще пару лет назад носившей гордое имя «Санкт-Петербург», опускаются сумерки. Несмотря на военное положение в стране, в городе к услугам уважаемой публики открыты многочисленные кафе, рестораны и целый ряд иных увеселительных заведений. В семейных домах, и бедных, и богатых, обычные люди заканчивают ужин и готовятся к ночному отдыху, а на улицы выползают тени персонажей, для которых ночной Петроград сулит весёлые похождения, развлечения, кутежи и разврат. Именно к их услугам рестораны и кабаре, игорные дома и бордели. Все эти многочисленные заведения на легальном положении работают открыто и приносят большие доходы их владельцам. А сколько таких притонов, которые существуют негласно? Так что в течение ночи, до трёх-четырёх часов, на прилегающих к Невскому улицах царит некоторое оживление, когда гуляки и картежники расходятся по домам. Вернее сказать, разъезжаются, так как большинство пользуются услугами извозчиков. Подгулявшая публика далеко не всегда ведёт себя тихо и скромно, как это подобает в ночное время, часто шумит и скандалит. Поэтому городовым и дежурным дворникам никогда нет от них покоя. Одним словом, ни чести у людей, ни совести... Война ведь идет. А у этих сволочей праздник...

Сегодня в обед Аполлинарий Андреевич дал отмашку на проведение операции. Поэтому я тоже, как и положено фронтовику, дорвавшемуся до благ цивилизации, «засветился» в одном ресторанчике. Провел время в компании с бутылкой шустовского коньяка и легким ужином, время от времени ловя заинтересованные взгляды женщин и завистливые мужчин, украдкой глазющих на Георгия на груди и Анну с Владимиром на шее. Правда, коньяк, за исключением пары рюмок для запаха, перекечевал в две карманные фляжки. Выбранный столик в полузакрытой нише-эркере этому очень поспособствовал... На самом Невском сверкают вывески, подпитанные электричеством, льется обилие света от синемаатографов. Их здесь очень много – до двухсот; по данным любезного Аполлинария Андреевича – на одном Невском только двадцать пять. На вывески электричества не жалеют, лишь бы побольше привлечь зрителей – дело то доходное. Туда я зайду попозже, а сейчас до начала сеанса еще погуляю... Хожу и смотрю на витрины ювелирных магазинов. Тут тоже всё горит, блестит и сверкает. Очень впечатляет витрина магазина «Бриллианты ТЭТа» – переливается аж всеми цветами радуги при ярком освещении. Перед стеклом постоянно стоит толпа народа, любясь этим великолепным зрелищем. Многие «экспозиции» быют на оригинальность. Тут и декоративные пейзажи, и экзотика, и подвижные фигуры-автоматы. Вообще в городе очень много рекламы. Чего тут только нет! «Пейте коньяк Шустова», «Употребляйте пилюли Ара», «Перуин для рращения волос» и даже «Я был лысым»... Что касается военных, то они – на каждом шагу. Столичные офицеры дополняют блеск и без того нарядной толпы на Невском проспекте. Они фланируют по тротуару, заполняют богатые магазины и лучшие кафе и рестораны, а по вечерам – театры. Свободного времени у этих людей много, денег – тоже, да и положение заставляет жить на широкую ногу. Ну, ясен пень – это ж не в окопах вшей кормить... Попадают и генералы; немногочисленные нижние чины и юнкера, встретив их превосходительств, шага за четыре становятся во фронт, отдавая честь и глазами провожая эту «шишку на ровном месте». К счастью, встречаются данные особи не так уж часто. Люди эти, большей частью тучные, ходить пешком не любят, да к тому же многие из них имеют собственные выезды. Первое, что бросается в глаза в этом городе, – роскошь и богатство одних и бедность с нищетой других. Если разница между центром и улицами, к нему прилегающими, была не так уж велика, то отличия между ними же и окраинами разительны. И чем дальше отходишь к выселкам, тем это все больше и больше бросается в глаза. Ну да ладно... Погулял, теперь можно и к великому искусству синемаатографа приобщиться. А вот и один из его храмов, «Гигант» называется. Моя задача сейчас как можно

больше в публичных местах покрутиться на случай хоть какого-то алиби. Вот и иду смотреть «Пиковую даму» господина Протазанова. А перед началом фильма, само собой, надо заглянуть в буфет. Сажусь за стойку и заказываю очередную рюмку. Народу пока немного, только какая-то мадам кормит двоих своих отпрысков пирожными и нагловатого вида земгусар пытается обхаживать свою даму сердца. Скорее всего, очередную... Ага, а вот и новый маленький персонажик, молоденькая девушка, почему-то одна, без сопровождения. Подходит к буфетчику и почти шёпотом что-то у него спрашивает. А халдей ей через губу отвечает... Чаю с крендельком... Ага, иди на роялке своей бренчи... И так чуть на полуденный сеанс не опоздала... Значит, девочка здесь тапёршей работает... Как все удачно складывается, сейчас будем играть в гусарско-окопное «быдло». Которое еще не пьяно, но уже близко к этой кондиции, и поэтому спорить с ним опасно для самочувствия...

– Э-э-й, лю-юбезный, еще рюмку мне и чаю вон с теми эклерами для барышни!..

– Звиняйте, вашбродь, не могу я ей ничего...

– А-а в морду?

– Вашбродь, управляющий не велел...

– Еще ра-аз спрашиваю – а в морду? Метнулся мухой... Позвольте угостить вас, мадемуазель!

Бедняжка смущается аж до густой красоты, очень нерешительно пытается отказаться, впрочем, героя войны это абсолютно не останавливает. Черт, целый день барабанить по клавишам, не имея маковой росинки во рту!..

– Лю-юбезный, где мой коньяк? Где чай с пирожными?.. Я сейчас твою нахальную ухмылку по буфету размажу! Устрою тебе еще один Луцкий прорыв!.. Бон аппетит, мадемуазель, надеюсь, вскорости услышу ваше божественное музицирование...

Время к десяти вечера, домой пора... Сегодня суббота, клиент пойдет в любимый ресторан с очередной «этуалью». Любит он женщин, любит... И своим привычкам не изменяет. Бретёр, авантюрист, бабник... А значит – от двенадцати до полпервого ночи будет выходить с подснятой дамочкой, усадит в авто и повезет в «нумера»... Мочить этого кадра надо, однозначно мочить. Иначе он со страной такого натворить успеет своей деятельностью... Так, еще раз – сделать один выстрел, передать винтовку Аполлинарию, а затем в сопровождении «городового» Котяры, встреченного через два квартала, на извозчике на квартиру... Остапец и Вадим – тоже на адрес, пока мосты не развели. На этом наше участие закончится... Дальше уже ротмистр Бессонов сотоварищи революционеров мочить будет «по горячим следам». Ничего не подозревающих и занимающихся хорovým пением на мотив чего-нибудь типа «Вихри враждебные веют над нами»...

Глава 11

Что наша жизнь? Игра!

Кругом и повсюду, каждую минуту и секунду люди играют свои роли. Играют талантливо и бездарно. Роли в массовке и роли главные. Кто-то добровольно, кто-то по принуждению, а кто-то – и вовсе не представляя того, что он давно уже на сцене...

Один из самых дорогих и престижных ресторанов Петрограда сверкает электрическими фонарями. Внутри оригинально поставленное освещение выхватывает из полумрака яркие островки, отгораживая занавесью полутьмы сидящих за разными столами друг от друга. Уже достаточно поздно, посетителей много, пошел самый разгар веселья. Приятная музыка скрипок и виолончели медленно плывет по залу. Почти у самой стеклянной стены накрыт столик на двоих. За ним мужчина и женщина. На ней шляпка с вуалью, синее вечернее платье, открывающее руки и часть спины, ожерелье из поддельного жемчуга и такие же сережки. Прическа совсем недавно уложена в салоне. Стройная фигурка, точеная шея, милое личико с почти незаметными следами макияжа, подчеркивающего чувственность губ и скрывающего мелкие морщинки в уголках глаз, рука, вполне ухоженная и холеная, держит тонкими пальцами бокал, в котором белое вино преломляет лучи света. Улыбка на губах, загадочно блестящие глаза...

Женщина играет роль светской львицы. И не важно, что она частенько фальшивит, ведь не так часто ей приходится делать это. Сегодня она – Венера, Афродита и Клеопатра. Хотя бы для себя самой... Хотя бы ненадолго... Изредка всплывает в голове мысль – а не разыграть ли перед своим кавалером (потом, когда он предложит заехать в номера) еще и роль недотроги, ну или хотя бы попробовать? Но тут же практичный голос в голове обрывает: «Не глупи, где ты еще найдешь такого обеспеченного господина. Ну да, приживалкой, ну и что? Не в приют же идти с сиротками работать?» Так что сегодня она – женщина-вамп и мадам Баттерфляй. Такова на сегодня её роль...

Ее кавалер, импозантный полнеющий мужчина с аккуратной бородой, в пенсне с золотой оправой, в дорогом костюме и с массивной печаткой на толстеньком коротком пальце, сыплет остротами, возбужденно поблескивая масляными глазками, одной рукой слегка проворачивает на столешнице рюмку с шустовским, второй – пальцами поглаживает протянутую к нему руку женщины. Алкоголь и гормоны легко ввели его в роль неотразимого Казановы. Сегодня всё для него: и эта музыка, и изысканная сервировка, и великолепие блюд! Сегодня он – герой-любовник, молодой жеребец, сбросивший десятки лет. В свои пятьдесят четыре года он уже очень влиятельный человек в России. Да, Александр Иванович Гучков – это величина, глыба! Бывший председатель Государственной Думы, действующий член Государственного Совета Российской империи, лидер партии «Союз 17 октября» и прочая, прочая... О-о-о! Он еще покажет всем этим люмпенам и маргиналам, кто хозяин в России! Этот мягкотелый человечко, называемый императором Всероссийским, еще узнает!.. Свержение этого ничтожества уже давно является для него почти самоцелью. И теперь финал очень близок! И в этом он готов объединиться с любыми силами...

Ну и что с того, что дома его ждет давно надоевшая жена, любимая дочка и одиннадцатилетний сын да иногда беспокоит треклятый артрит и одышка? Сегодня господин Гучков гуляет! Он – сама неотразимость и щедрость, ему доступны все роли. И пусть завтра, взглянув утром на помятое лицо своей сегодняшней избранницы, он с удивлением подумает: «И что я в ней нашел?», и пожалеет о потраченном времени и деньгах, но сегодня еще не спущен пар, алкоголь играет в крови, и всё складывается просто превосходно.

К столику подходит официант. Внешне – чистый половой в старинном русском трактире. И играет свою роль безупречно. Большо-ой артист. Ну, а даже если и в блюдо этому борову

плюнул – так ведь не одну роль можно играть сразу. А может, он – революционер! Вот!... Роли, роли, роли...

* * *

За стеклом ресторана небо, и без того невидимое из-за искусственного освещения, совсем растворилось в космической черноте. Невдалеке от входа в ресторан, вероятно, втайне завидуя представительному виду швейцара у дверей, доблестно несет дежурство городской. Он и сам еще не разобрался, что ему ближе, но его роль никто не отменял, а вот играть тут всё четко надо, как по нотам, – суфлера не будет. Видной фигурой на улицах Петрограда является «блюститель порядка». Городовые, они ведь набираются из солдат, прошедших установленный срок службы, сверхсрочников как армейских частей, так и гвардии. Вот почему выправка должна быть военной, бравой, подтянутой. Одет городской в черную шинель, окантованную красным, широкие брюки заправлены в надраенные до зеркального блеска сапоги. На голове – фуражка, тоже с красным кантом, над лакированным козырьком блестит ленточка из белой жести с обозначением части, на руках – белые перчатки.

Равнодушный взгляд скользит по редющей череде прохожих, не особо задерживаясь даже на откровенно расхристанном студенте в форменной шинельке. Роли философов, даже для стражей порядка, вовсе не чужды...

А играющий роль пьяненького, слегка сторбленного или, лучше сказать, – согбенного студента, от одного вида которого хочется брезгливо скривиться, нимало не обращая внимания на окружающих, шествует по улице, поглядывая на прохожих и что-то бормоча себе под нос. Какую роль он играет для себя – непризнанного философа, гения-марафетчика или бог весть кого ещё, неясно, но для прохожих его роль раздражающего фактора является однозначной. Взгляд студента ненадолго задерживается, он смотрит сквозь стекло внутрь ресторана и, наверное, даже не заметив открытой кожи дамы за столиком, сосредоточивается на содержимом стола. Свет непонятным образом высвечивает в этом юноше его возраст – года двадцать два от силы. Студент двигается дальше, прислушавшись, можно различить отдельные слова в его монологе: «...Деньжищи... Да за что?.. Дерьмо... Я б ни в жисть... Буржуи...» Исполнение, достойное оваций...

Увы, но во всей столице нет ни одного жителя, кто узнал бы этого молодого человека, а те, кто его действительно знает, если бы очень хорошо постарались, то, может быть, и распознали бы в нем прапорщика Фёдорова, бывшего студента-горняка, кавалера двух Георгиевских крестов и медали «За храбрость»... Вадим качественно играет свою роль...

Да и в городском, пожалуй, не каждый смог бы узнать тоже георгиевского кавалера, зауряд-прапорщика Фёдора Еромошина, позывной «Котяра»...

Неподалеку, в арке дома крутится один из дворников, одетый в пальто, чистый передник, с большой овальной бляхой на груди и даже со свистком на шее. Если убрать почти недельную щетину на пропитой морде, да и саму её отмыть от свекольного взвара, то в нём можно узнать прапорщика Дмитрия Ивановича Остапца, тоже героя, тоже кавалера и прочая, прочая...

В большом красивом доме на другой стороне улицы, на пыльном чердаке, среди старых и ненужных вещей, напротив слухового окошечка с аккуратно вытасненным стеклом, замер еще один актер этого спектакля – переодетый в купленный на толкучке поношенный пиджачный костюм капитан Гуров, командир 1-го отдельного Нарочанского батальона специального назначения. У этого актера зрителей нет, более того, они ему категорически противопоказаны. Положив перед собой трёхлинейную винтовку Мосина, он крутит в руках запасной патрон, не вставившийся в обойму. Гильза патрона и его собратьев, уже заряженных в винтовку, снабжена не обычной пулей, а нагановской. Они тоже ждут. И стрелок, и патроны...

На первом этаже этого же дома, в маленькой каморке, щедро заливает настоящего дворника водкой по самую маковку некий очень радушный господин, в котором точно никто не узнал бы Аполлинария Андреевича Белова, штаб-ротмистра пятого отделения Штаба Отдельного корпуса жандармов (наблюдение за деятельностью жандармских управлений по политическому розыску и производству дознаний), человека с огромным опытом оперативной работы. Да... Роли, роли, роли...

* * *

К подъезду ресторана плавно подруливает представительное авто. Водитель, гордо вскинувший подбородок от осознания высокой миссии – личного водителя такого господина, степенно подкатывает и останавливается у тротуара напротив парадных дверей, напрочь игнорируя какие-либо приличия и очередь извозчиков, дожидаящихся лёгкого ночного заработка.

Спустя несколько минут гренадерского вида швейцар с огромной седой бородой, олицетворяющий величественное достоинство, отворяет массивную дверь и вытягивается во фронт. Из распахнутой двери, галантно пропуская вперед даму, вальяжно выходит ОН – Победитель, Цезарь, будущий вершитель судеб человеческих, любимец женщин, дуэлянт и авантюрист. Ох, и непроста роль облечённого Властью. Даже если ты только и умеешь, что «руками водить», отыгрывать надо убедительно, чтобы не оказаться в другой, менее уважаемой роли. Чем выше залезешь, тем большее количество живых игрушек зависит от тебя и тем интереснее ими играть. До конца отыгрывая свою главную роль, полный вальяжный господин не спеша двигается к услужливо распахнутой шофером дверце авто...

В тот самый момент, когда «вершитель судеб Отечества» двинулся к автомобилю, страж закона вдруг замечает непорядок –двигающегося обратно той же вихляющей походкой студента – и резво приступает к принятию мер по искоренению потенциально опасного элемента. Роль у него такая, ничего тут не попишешь. Швейцар хмыкает, свысока взирая на это, – для него всё же какое-никакое развлечение. А что до своей роли, так чем величественнее ты себя ведёшь на этом месте, тем более тебя воспринимают лакеем. И просто, и не надо во исполнение своих обязанностей суетиться и унижаться, даже перед этой вот непростой шишкой. Достаточно открыть дверь и притвориться неподвижной статуей. Уж явно у того, кто сейчас прошествовал мимо, так не получится перед более высоким чином. Придется, небось, покрутиться, как вот тому же городовому.

Юнец, видя направляющегося к нему городского, резко разворачивается и задаёт стрелка. Городовой, исполненный праведного негодования, придерживая шашку, залиvisto свистит в свисток и припускает за студентикой...

Конечно же, все присутствующие – и вальяжный господин с дамой, и водитель, и швейцар, не говоря уж о немногочисленных прохожих-зеваках, находящихся в том момент на проспекте, – с интересом наблюдают за разыгравшейся комедией. Что делать – старинная русская забава, ведь интересно же, догонит легавый студента или не догонит...

И именно поэтому никто впоследствии так и не смог вспомнить, откуда донесся звук выстрела и в какой момент голова вальяжного господина лопнула, как спелый арбуз, от попадания в неё семиграммового кусочка свинца, разогнанного раскаленными пороховыми газами до сумасшедшей скорости...

Член Государственного Совета Российской империи, лидер партии «Союз 17 октября», особоуполномоченный Красного Креста на фронте, председатель Центрального военно-промышленного комитета, бывший председатель Государственной Думы, будущий автор и организатор дворцового переворота и несостоявшийся военный и морской министр планировавшегося Временного правительства России Александр Иванович Гучков прекратил свое брненное

существование... Роли сыграны, спектакль окончен. Занавес – и продолжительные аплодисменты...

...Всё позади, – и КПЗ и суд.
И прокурор и даже судьи с адвокатом.
Теперь я жду, теперь я жду, куда, куда меня пошлют.
Куда пошлют меня работать бесплатно...

Тьфу! Прицепилась же песенка Высоцкого... Одно хорошо – всё действительно позади. Ну, по крайней мере, этот этап нашей жизни... Винтарь скинули Аполлинарию, отошли чётко по плану. Я спустился по верёвке с чердака, вышел в точку randevu и приехал на квартиру в сопровождении сурового «стража порядка» Фёдора на извозчике, Остапеч с Вадимом тоже успели проскочить на Васильевский как раз перед разводом мостов.

Третий час ночи... Дмитрий Иванович уже успел начисто соскоблить свою небритость и отмыться от свекольного настоя, Вадима отправил смывать дурно пахнущий образ вольнодумца-студента, Котяра застилает белье на кроватях и диванах, где вновь прибывшие будут ночевать. В печке-голландке весело догорает порезанная на лоскуты полицейская форма и моя пиджачная пара...

Все при деле... Пока мужики приводят себя в порядок, я накрываю на стол. Свежий хлеб, сало, солёные огурцы, картошка в мундире. Режу луковицу, открываю банки тушняка, расставляю стаканы, разливаю припасенную водку. Ничего, мне не трудно товарищей уважить после боевого выхода. Им посерьёзней поработать пришлось.

Спустя двадцать минут все мы чинно восседаем за накрытым столом в гостиной. Одетые по форме, с крестами и медалями. Именно так! Мы не бандиты, мы – солдаты и защитники Отечества! Пусть даже придется его защищать и не совсем привычным способом...

Ну-с, начнем-с... Как там у классиков?... Если не можешь предотвратить пьянку, надо её возглавить! Но сначала – официальная часть. Надо что-то сказать, хлопцы ждут... Встаю, поднимаю стакан и оглядываю остальных, замерших по стойке «смирно»:

– Это тоже война, ребята. Беспощадная, до смерти. Пленных здесь не будет, только предатели. Родина у нас одна, и защищать её мы будем любыми способами! Только так, и никак по-другому! Иначе цена поражения будет страшной! Поэтому... Наше дело правое!.. Сегодня мы ликвидировали первого внутреннего врага... Так что, братцы... Нет, не братцы... Братья... Благодарю за службу!

– Служим Престолу и Отечеству! – шепотом «рявкают» мои ребята... А бывший студент, вечно смешливый Вадим очень серьезно добавляет:

– И отдельному батальону специального назначения!.. Да будет так, ребята, да будет так!

Глава 12

Встреча с Павловым произошла через несколько дней на той же квартире. Предварительно академик телеграммой сообщил о своём посещении столицы и изъявил непреодолимое желание пообщаться. Только вот общение поначалу вышло несколько бурным и на повышенных тонах. Иван Петрович молча отвечает на рукопожатие, когда я открываю ему дверь, проходит в гостиную и усаживается за стол, уже накрытый для чаепития.

Сажусь напротив и выжидательно смотрю на до сих пор молчащего и нервно барабнящего пальцами по столу «собеседника». Наконец его прорывает:

– Ты что творишь, старлей?!

Шёпотом, оказывается, тоже можно орать. Не люблю, когда на меня наезжают, но и не отвечать как-то невежливо.

– Если вообще – то готовлюсь к поступлению в Академию Генштаба, обучаю свою штурмовую роту правильному обращению с автоматами в Ораниенбауме. Если конкретно сейчас – пытаюсь внимательно вас выслушать, Иван Петрович. Но пока безрезультатно – никакой аналитической информации, одни только непонятные эмоции.

– Денис Анатольевич, громкое убийство, о котором кричат все, не только российские газеты, – ваших рук дело? – Павлов немного сбавляет обороты.

– Вы о некоем внезапно почившем в бозе Александре Ивановиче? Если говорить правду – боевой группы эсеров, если честно – то да.

– Ты совсем охренел?! – Академик лупит ладонью по столу так, чашки подпрыгивают на своих блюдах, жалобно звякая. – Ты кем себя возомнил?! Тоже мне мессия нашёлся! Спаситель человечества хренов! Ты хоть понимаешь, что делаешь? Мы хотим эту долбаную революцию со всеми её последствиями предотвратить, а ты своими руками Гражданскую войну начинаешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.